

¹³ В 1890-х гг., приехав в Швейцарию, Грозовский познакомился с Г.В. Плехановым и П.Б. Аксельродом, стал оказывать услуги группе «Освобождение труда» и через некоторое время, в конце 1891 г., предложил себя Группе для нелегальной поездки в Россию. Он просил Группу добыть ему необходимый для поездки паспорт. Паспорт был добыт (именно о нем идет речь в письме), но Грозовский нашел его неподходящим, и его поездка все откладывалась, пока П.Б. Аксельроду (Грозовский жил в Цюрихе) не стало, наконец, ясно, что Грозовский в Россию не поедет, – по мотивам, как думал Аксельрод, личного характера. Однако, считая, что Грозовский может быть очень полезен Группе в ее работе за границей, Аксельрод предложил товарищам принять Грозовского в Группу. Остальные члены Группы с этим мнением согласились, и Грозовскому было сделано соответствующее предложение.

Как вспоминает П.Б. Аксельрод, передавший это предложение Грозовскому, последний прежде всего потребовал точного определения своих прав в Группе. П.Б. Аксельрод разъяснил, что Группа существует на основе полного товарищеского равноправия ее членов; Грозовский, вступив в нее, будет пользоваться такими же правами в ее внутренних делах, как и все остальные; определенного же устава у Группы нет. Вместе с тем, П.Б. Аксельрод категорически обещал, что после вступления Грозовского устав будет сообщеа выработан. Тогда Грозовский, вообще отнесшийся к предложению настороженно, недоверчиво и, как полагает Аксельрод, боявшийся, что вступление в Группу его свяжет, начал настаивать, чтобы устав был выработан теперь же, по общему согласию. Это требование, имевшее вид договора между Группою и отдельным вновь вступающим в нее членом, Аксельрод отклонил. После этого вопрос о включении Грозовского в Группу отпал и отношения между ним и Группою сильно ухудшились. Немного спустя Грозовский сообщил Аксельроду, что он получает крупную денежную сумму – 40 тыс. рублей (Г.В. Плеханов, рассказывая в письме к Энгельсу от 16.V.1894 г. об отношениях Группы с Грозовским, называет цифру 15 тыс. рублей, но Аксельрод утверждает, что вначале речь шла о значительно большей сумме), – на нужды революционного движения. Аксельрод, полагая, что речь идет о пожертвовании, указал на необходимость создания коллективного комитета из представителей различных течений в революционной эмиграции (Лаврова и др.), который разработал бы вопрос о наиболее целесообразном использовании этого фонда. Но в дальнейших разговорах Грозовский заявил, что речь идет о деньгах, поступающих лично к нему, Грозовскому, и что распоряжаться этими деньгами он хочет единолично. В начале 1892 г. между Грозовским и Группою шли по этому поводу продолжительные переговоры, разработан был небольшой план издательской деятельности и установлены нормы, в пределах которых Грозовский покрывает соответствующие расходы Группы. На почве возникших при исполнении этого плана денежных расчетов создались недоразумения, которые крайне болезненно воспринимались членами Группы. Результатом этих трений (о них см. ниже, в письмах Г.В. Плеханова) был полный разрыв Группы с Грозовским и выступление последнего в начале 1894 года с самостоятельным издательством – «С.-Д. библиотека». – Прим. Б.И. Николаевского.

Подробности см. в приложении к настоящему изданию – «Переписка Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода и В.И. Засулич с Л. Иогихесом (Тышкой)».

1892

100

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич¹

1892, середина января
Карийск²

Милая, дорогая сестра!

В последнем письме³ ты сообщаешь, ч[то] усердно работаешь в заведении Рольника⁴ и что эта работа не отражается вредно на твоём здоровье. Я, признаться, мало верю последнему сообщению. Не может быть, чтобы эта работа не отражалась вредно, и меня вовсе не радует, что ты доказала скептикам, со-

мневавшимся в возможности исполнить начатое, что твоим единичным трудом совершена задуманная работа. Что толку в том, что появится еще одна работа, могущая, при наилучших условиях, принести некоторую пользу нескольким лицам, когда вместе с этой незначительной пользой ты окончательно подорвешь свое и без того плохое здоровье?! Впрочем, мои доводы и соображения тебе заранее известны и к тому же запоздалы, т[ак] к[ак] ты теперь, конечно, уже покончила с этой работой.

Меня обрадовало твое сообщение (в этом же письме) о том, ч[то] Жорж сотрудничает в «N[eue] Z[eit]». Это было одним из наиболее горячих моих желаний, о чем, помнится, я давно тебе писал. Жаль, ужасно жаль, ч[то] я не могу прочитать его статьи о Гегеле. Но я надеюсь со временем их прочитать, конечно, при вашем старании². Я много раз писал и просил тебя и Павла, чтобы ты, пользуясь оказией от вас, переслала Мане для меня коллекцию интересующих меня иностранных произведений, меж[ду] прочим «N[eue] Z[eit]». Неужели это так трудно сделать? Решительно мне не верится. Просто вы забываете или пропускаете оказии. Я понимаю, что вам часто не до того, чтобы заботиться об исполнении моих просьб, но войдите и в мое положение, ведь мне не к кому, кроме вас, обратиться с просьбами о высылке интересующих меня книг, ведь только об этом я прошу вас! Раньше я просил тебя еще о присылке франц[узских] романов, о писании больших писем, но вот уже более года, как я на основании твоих ответов убедился в тщетности этих просьб и примирился с этой невозможностью. Остается уже одна-единственная просьба – присылать интересующие меня иностранные произведения левых гегелианцев, и это, мне кажется, вполне выполнимо при некотором старании.

Я не буду описывать, какое громадное значение могут иметь такие произведения для меня (и н[е]к[о]торых других) при условиях нашей жизни, какой интерес возбуждают малейшие сообщения, заметки о вопросах из этой области, попадающиеся в нашей прессе. То, что вам кажется избитым, давно известным, а, следовательно, мало или вовсе неинтересным, здесь читается, комментируется и дебатруется на все лады, конечно, не всеми – многие потеряли всякий интерес к теоретич[еским] вопросам, да и к практической постановке вопроса на Западе. Но я без самохвальства могу сказать, что не чувствую никакого изменения ни в моих отношениях к теоретич[еским] вопросам левогегел[ианской] философии, ни в моем практическом настроении, если можно так выразиться. Нельзя сказать, чтобы я за все эти годы не изменился в этих отношениях. Но мне кажется, ч[то] произошедшая во мне перемена – в лучшую сторону, в сторону большего понимания, зрелости, опытности. Я не чувствую себя несколько надломленным, разочарованным, пессимистически настроенным, что так распространено в последнее время. Между тем как многие ничего не ждут для себя впереди, ударяются в мелочи повседневной жизни, заводятся своим домком, – мне, как помнишь, в последние годы при тебе, хочется практического дела, совмещающего возможность и теоретических занятий. Невозможность осуществить это желание повергает меня иногда в тоску, от к[о]т[о]рой я подчас не нахожу себе места. Часто мне кажется при таких настроениях, что звезда моя закатилась, что скрытые и чувствуемые мною внутри себя способности так и не найдут сферы для проявления, так и останутся неразвившимися, в зачаточном состоянии. Иногда же, наоборот, я как бы явственно ощущаю, что проживу много-много лет, что дождусь-таки лучшего периода и осуществлю заветные мечты. Последнее, т.е. бодрое настроение, конечно, объясняется в зна-

чительной мере, кроме нек[о]т[о]рого теоретического развития и понимания, физическим здоровьем и крепостью. Раньше, живя с тобою, я не обращал на это внимания, не придавал значения здоровью. Теперь благодаря годам, проведенным в здешних условиях, где часто нужна физическая сила, я оценил эту сторону своего организма. Правда, я вовсе не искусен в физич[еском] труде и не имею к нему ни малейшей склонности; я не способен ни к какому труду, кроме некоторых родов интеллигентно-практических. Но я не склонен ни к каким болезням, очень вынослив и довольно силен и в этом отношении могу благодарить судьбу. ⁶[В отношениях к окружающим во мне произошла значительная перемена. Припомни, когда, бывало, я резко и недипломатично выступал и нападал на нек[о]т[о]рых (напр[имер] на Балоголу – Як[ова] Эф[рона], Влад[имира] Голд[овского]⁷), чем сильно возбуждал против себя, создавал себе многочисленных врагов. Это объяснялось, при присущих мне чутье и наблюдательности, что ты, помнится, во мне признавала излишней горячностью, экспансивностью, если хочешь. «Чутье и наблюдательность», если эти черты во мне были; так и теперь они мне присущи; но я при этом как-то мягче чую; хоть и вижу многое, что меня прежде возмущало бы и отталкивало бы от данного субъекта, но теперь рядом с подмеченными несимпатичными сторонами замечаю или, в крайнем случае, стараюсь подыскать и хорошие черты. Словом, вообще снисходителен, нетребователен, почему со всеми не только в ладах, но с большинством даже настолько в хороших отношениях, что и на «ты». Это тебя, вероятно, удивит, зная, что за все последние годы жизни с тобою я ни с кем, даже из самых симпатичных мне людей, не перешел Bruderschaft⁸. Но, рядом с этим, я решительно не имею здесь ни одного сколько-ниб[удь] близкого мне человека, с которым я мог бы говорить как о более занимающих меня вопросах, к[о]т[о]рому я мог бы запросто рассказать о своих настроениях и пр. Мне кажется, рядом с приобретением терпимости и доброго отношения к другим, я потерял способность приобретать друзей. Не знаю, наверное, что лучше. В практическом отношении, вероятно, приобретенное свойство ценно, но лично я подчас очень скверно чувствую себя вслед[ствие] отсутствия поблизости дорогого мне человека. Однако я страшно разболтался, разоткровенничался. Все выше изложенное о себе, весь этот анализ я только тебе одной (кроме Дм[итро], конечно) могу произвести, и ты, конечно, понимаешь, что других, хотя бы и близких, я не посвятил бы целиком в свой внутренний мир].

Вчера не закончил этого письма. Сегодня днем был на похоронах сестры Ивана Николаев[ича]⁹, к[о]т[о]рая умерла от чахотки. Муж ее¹⁰ – ты его, вероятно, помнишь: он приезжал вместе с Ив[аном] Ник[олаевичем] – проживал здесь около года, но застал ее уже неизлечимо больной. Теперь он вместе с сыном, 11-летним мальчиком, возвращается домой. В последнем отношении я ему очень завидую: страшно надоела мне здешняя страна, и я охотно уехал бы отсюда. К сожалению, я не вижу конца моему пребыванию здесь. Правда, при благоприятных условиях, о к[о]т[о]рых я писал тебе в одном из предыдущих писем, я могу вскоре очутиться вместе с Дмитрием, но ты знаешь, что там хуже, чем у нас, почти во всех отношениях. Унывать, конечно, нечего. Но грустно, что «годы уходят, все лучшие годы...».

Впрочем, в общем, беря относительно, мне грешно жаловаться на свою судьбу и положение. Во-первых, могло быть и гораздо хуже, во-вторых, сравнительно со многими, живущими со мной, мои условия куда лучше и в материальном, и в интеллектуальном, и пр[очих] отношен[иях]. Живу я, как товарищи острят,

kleinbürger'ом¹¹, эпикурейцем, имею относительно сносную обстановку, имею небольшой заработок (в 15 р[ублей]), могу заниматься и пр. Но ... рыба ищет, где глубже и пр. Неудовлетворенность тем сильнее во мне сказывается, чем легче мне удастся улаживать мелочные улучшения в моей обстановке. Я охотно согласился бы жить полнейшим ригористом¹² и иметь целиком поглощающее меня дело, чем при благоприятной обстановке прозябать, жить изо дня в день без общей цели. Но я начинаю вдаваться в изображение своего «я». Довольно о себе.

Пиши, ответь мне подробно на это письмо. [Думаю, что это письмо, почти целиком вылившееся без запинок, как помнишь, бывало, я устно излагал тебе свои мечты, свои жалобы, настроения, – это письмо даст и тебе нить, возбудит желание поделиться со мною сведениями о твоём состоянии]¹³. Ты меня не балуешь большими письмами.

Ну, исполни же мою просьбу об иностр[анных] книгах и напиши о себе по-подробнее. От Сашеньки давно-давно не имею никаких известий; часов также не получал. Недавно, после полуторагодичного молчания, Маня, наконец, разрешилась письмом¹⁴, в к[о]т[о]ром свое продолжительное молчание объясняет массой занятий и просит быть к ней снисходительным. От Дм[итра] также получил огромное письмо¹⁵, чрезвычайно интересное и обстоятельное. Если переписываешься с ним, передай ему за это письмо большое спасибо.

Напрасно не сообщай мне своего непосредственного адреса. Целую крепко тебя и всех близких. Хоть в нескольких словах сообщай мне постоянно о них что-нибудь. Еще и еще целую.

Твой Лев

¹⁶Передай Павлу мою настоятельную просьбу, чтобы он снова высылал «Frank[furter] Zeit[ung] по следующему адресу: Давиду Ивановичу Чхотуа, город и губерния те же, что и прежде, без всяких передач. Он может (или ты) выслать и другую или отдельные, наиболее интересные номера и других газет.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД. 1/29.45. Л. 21 – 22 об. Автограф с поздними пометами автора. Опубл. (с пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 273–276. Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ По верхнему полю первого листа – поздняя помета Л.Г. Дейча «Из Вольн[ой] ком[анды]».
- ² Датируется по упоминаемому в письме факту смерти С.Н. Присецкой-Богомолец 11 января 1892 г.
- ³ Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
- ⁴ Женевская типография группы «Освобождение труда».
- ⁵ *То есть если они позаботятся о конспиративной пересылке.* – Прим. Л.Г. Дейча. Речь идет о статье Г.В. Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», опубликованной в ноябре 1891 г. в журнале «Die Neue Zeit». Впервые на русском языке статья вышла в составе сборника «Критика наших критиков» (СПб., 1906).
- ⁶ С этого места и до начала следующего абзаца в первой публикации текст был опущен.
- ⁷ О каком эпизоде вспоминает Л.Г. Дейч, не совсем понятно.
- ⁸ Братство (нем.).
- ⁹ Речь идет о И.Н. Присецком и С.Н. Богомолец.
- ¹⁰ А.М. Богомолец.
- ¹¹ Мелкий буржуа (нем.).
- ¹² Ригорист (лат. *rigor* – строгость) – человек, непреклонно соблюдающий какие-либо принципы, правила нравственности, предписания.

¹³ Вся фраза в первой публикации опущена.

¹⁴ Письмо М.Г. Афанасьевой не разыскано.

¹⁵ Письмо Я.В. Стефановича не разыскано.

¹⁶ Эти последние строчки приписаны по сгибу развернутого листа письма и левому полю оборота первого листа.

1892, вторая половина января
Париж¹

Дорогая Вера Ивановна (и Павел, если он в Морнэ).

Сейчас был у Лаврова. Народ[овольцы] хотят, как видно, водить нас за нос. Все, чего я добился от них до сих пор, сводится к следующему: их, изволи-те видеть, обижали мы уже не раз. В последний раз обидели мы их в нашем Rapport'e²: мы называли их бакунистами, а они не бакунисты³. Так вот и хоте-лось бы им, чтобы я и Вы сделали что-то вроде amende honorable⁴: объяснили где-нибудь, что обижать мы их не хотели, что бакунистами они были только от-части, а вообще, мол, люди хорошие. Это очень глупо, но это так – это, кажется, condition sine qua non⁵ с их стороны. Но дальше что? Дальше ничего. Дальше они посмотрят, что можно было бы сделать, постараются обдумать современ-ное положение дел и вообще постараются сблизиться с нами. Когда именно? Неизвестно. Выходит, что определенного, кроме amende honorable, ничего нет. Я еще не прервал сношений с ними, но, кажется, прерву, разумеется, мягко, пе-рестав ходить к Лаврову (сегодня он был еще любезнее). Когда мы соединимся со Степняком (т.е. с Free Russia), нам народовольцы будут и не страшны и не нужны. Они это понимают и стараются протянуть время, чтобы как можно до-роже продать свои мертвые души. Но эти Коробочки⁶ меня не обойдут. Заклю-чив союз с фрирешенцами⁷, я уже иным тоном буду говорить с ними. Призна-юсь, я мало и пожалел бы, если бы эти живые мощи остались за штатом. Лавров все равно будет писать у нас, Русанов же, хотя он способный человек, толь-ко вредил бы своими – не то парадоксами, не то глупостями (вроде его статей в «Социалисте»⁸). Никого из народ[овольцев], кроме ненародовольца Лаврова, я еще не видал⁹. Гуревич хлопочет о том, чтобы устроить свидание мое с Ру-бановичем (муж царицы Мар[ины] Никанор[овны]¹⁰). Когда состоится оно, не знаю, да и не тороплюсь его устроить, мне кажется, что они совсем поросли мхом. Пишите же Вы мне, от Вас еще ни одного письма не было. Напишите подробнее, что у Вас там с Грозовским. Ведь жаль было бы упустить его в на-стоящее время¹¹. Письмо мое прошу Вас переслать Павлу в Цюрих, если он уже уехал.

Ваш Г. Плех[анов]

Напишите мне немедленно, куда Вам писать. Боюсь, что Вы оставили уже Морнэ, а мне не хочется писать Вам кое-каких вещей, не будучи уверенным, что письмо не пролежит нескольких дней у хозяйки или у почтальона: време-на ныне неверные. Торопите, ради бога, Рольника с брошюрой¹², ради всего святого. Как Ваше здоровье? Меня хотят-таки заставить читать здесь реферат, а у меня кашель, чистая беда. Был у Штакельберга. Миллиона он еще не полу-чил, но ¹³вообще приветлив, миллион получить надеется. Увижу его еще раз.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр.39. А.31.17. Л. 1–3.
Автограф. Оубл.: *Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С.75–78. Публикуется по автографу.*

Примечания

- ¹ Письмо это написано Г.В. Плехановым из Парижа, куда он приехал из Морнэ, непосредственно после окончания брошюры «Всероссийское разорение» (15.01.1892). Задачей поездки были как переговоры с П.Л. Лавровым и др. «старыми народовольцами» о создании «Лиги по борьбе с голодом», так и чтение доклада и некоторые другие дела с группой живших в Париже сочувствующих социал-демократам русских студентов. Доклад этот им был прочитан 06.02.1892. – См.: Красный архив. Т. V. С. 265.
- ² Доклад (фр.).
- ³ Речь идет о «Докладе», представленном группой «Освобождение труда» в качестве редакции «Социал-демократа» за подписями В.И. Засулич и Г.В. Плеханова в 1891 г. на Международный социалистический конгресс в Брюсселе. Этот доклад был напечатан в «Le Socialiste», в нью-йоркском «Прогрессе» и отдельной брошюрой (см.: *Плеханов Г.В. Соч. Т. IX*). В этом докладе его авторы говорили об элементах самобытничества в русском революционном движении досоциал-демократического периода, указывая, что в наиболее последовательной форме это самобытничество сказалось в бакунизме. Влияние же последнего можно проследить и в дальнейшем, вплоть до народовольчества. Результатом переговоров с П.Л. Лавровым было опубликование авторами «Доклада» особого письма в редакцию «Le Socialiste» (по сообщению Р.М. Плехановой, оно было записано В.И. Засулич под диктовку Г.В. Плеханова),
- ⁴ Вознаграждение за бесчестье (фр.).
- ⁵ Непременное условие (лат.).
- ⁶ Коробочка – героиня романа-поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».
- ⁷ «Фрирешенцы» – группа лиц, работавшая вокруг указанного английского «Общества друзей русской свободы» (по названию их журнала «Free Russia» – «Свободная Россия»), близкая к радикалам европейского типа, эта группа во многом расходилась с народовольцами и пока был жив Кравчинский, благодаря его личной близости с членами группы «Освобождение труда», была в дружественных отношениях с последней. К идее «Общества борьбы с голодом» Кравчинский отнесся отрицательно (См.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 334).
- ⁸ Как вспоминает Н.С. Русанов, ему в свое время передали отзыв Плеханова об его, Русанова, статье в «Социалисте» («Политический переворот и минимальные экономические требования»), в которой Русанов пытался дать вполне конкретную программу ближайших экономических мероприятий после политического переворота: «Что же это, – программа кандидата в министры?» – иронизировал по поводу ее Г.В. Плеханов. – Прим. Б.И. Николаевского.
- ⁹ Г.В. Плеханов иронизирует над положением Лаврова, который, играя крупнейшую роль в «группе старых народовольцев», неоднократно заявлял, что он, по существу, не народоходец в узком смысле этого слова. – Прим. Б.И. Николаевского.
- ¹⁰ Марина Никаноровна – псевдоним, под которым была известна в эмиграции М.Н. Ошанина.
- ¹¹ Именно в это время Грозовский сообщил Группе, что он получил упомянутую выше сумму на революционные дела. – Прим. Б.И. Николаевского.
См. также: переписку с Грозовским членов группы «Освобождение труда» в приложении к настоящему изданию.
- ¹² Брошюра «Всероссийское разорение» окончена печатанием была довольно скоро, так как уже в середине февраля ст. ст. 1892 г. первые экземпляры ее уже были получены в Москве («Обзор» за 1892 г., стр. 33). – Прим. Б.И. Николаевского.
- ¹³ Последующие слова написаны по левому полю третьего листа письма.

1892, 10 февраля¹

Hartford Conn., 21 Morgan str.

Дорогие Георгий² Валентинович и Вера Ивановна!

Только что узнал, что Левенсон от имени нашего N[ew] Y[ork]-ского Общ[естве]ва³ написал Вам письмо; считаю нужным кое-что сообщить Вам по этому поводу, чтоб Вы знали, в каком духе ответить ему. По инициативе Пав[ла] Борисовича я предложил N[ew] Y[ork]-ским товарищам и в Америке устроить «Общ[естве]во] борьбы с голодом»⁴, я предложил им план действий и редакц[ию] «Соц[иал]-дем[ократа]» к[а]к доверенных лиц, которым мы должны посылать все собранные деньги; в этом Общ[естве] должны участвовать все рус[ские] революц[ионные] и (нереволуц[ионные]) элементы. Общ[ество] отнеслось к этой идее очень сочувственно и немедленно приступило бы к деятельности, но... вмешался Левенсон; прежде всего об участии Левенсона в нашем обществе. Вас, может быть, удивляет, что Левенсон, который за все время пребывания в Швейцарии или вообще в Европе [по тряпичности его характера и отсутствию каких бы то ни было революционных инстинктов]⁵ пальцем о палец не ударил, чтоб нам чем-ниб[удь] помочь, вдруг воспылил страстью двигать вперед соц[иал]-демократию. Очень просто. Приехав в N[ew] Y[ork], он по старой привычке развалился в своей берлоге [и приступил к благодарному делу лобызания своей революционной личности];⁶ я его там нашел и вытащил на свет божий, думая, что он чем-либо может нам помочь. Зная, что у него здесь заработков никаких нет, наши соц[иал]-дем[ократы] предложили ему читать лекции с платой 3-х дол[ларов] (15 fr[анс]) за лекцию; первый акт его деятельности [в интересах соц[иал]-дем[ократии] был получение 40 дол[ларов] (за 2–3 месяца) кровных, соц[иал]-дем[ократических] денег, которые, не будь его, появились бы теперь в Ваших руках;⁷ 2-й акт он проявил в последнее время, когда заговорили об организации нового Общ[ества]. «Г.г. Ведь частные письма для нас недостаточны, чтоб мы могли взяться за это дело». «Ингер[ман] пишет от имени Аксельрода». «А есть кавычки в письме?» О, sancta simplicitas⁸. И дернул же меня дьявол пропустить кавычки, [если б я только знал, что ценой кавычек можно купить конституцию в России. Мне хоть остается утешение, что наша конституция дешевле лекций, к[о]т[орые] г. Левенсон читает в Соц[иал]-дем[ократическом] обществе»⁹. Но дело не в этом. Я уж позаботился о том, чтоб Общ[ество] борьбы etc. было организовано и приступило к действиям до получения Вашего ответа. Это было необходимо, т[а]к к[а]к жди мы Вашего письма, другое общ[ество] воспользовалось бы нашим планом, и мы остались бы при... кавычках г. Левен[сона]. Лев[енсон], возражая против моего предложения (я его сделал письменно), между прочим, заговорил о Вашей халатности, приплел сюда к[а]кую-то свою статью о евр[ейском] вопросе, к[о]т[орой] Вы не только не напечатали, но Вы даже не ответили ему по поводу нее и т.д. и т.д. Заметьте, что все это говорится перед публикой, из которой ни один не знает ни Вас, ни Вашей деятельности, стало быть, никто не может ни контролировать, ни возражать. Таким образом, систематически подпуская подобные шпильки, он может в глазах Общ[ества] подорвать авторитет нашего «Союза»¹⁰, что равносильно смерти нашего Общ[ества] в N[ew] Y[ork]. Я все сделал, чтоб сделать его безопасным для нас, но Вы и с своей стороны должны кое-что предпринять. Я думаю, что Вам сле-

довало бы в ответе выразить свое удивление по поводу того, что они обратились к Вам, а не к Павлу Борисовичу (я думаю, что Лев[енсон] имеет зуб на П[авла] Б[орисовича]), который, собственно, предложил всю эту историю; что я (Ингер[ман]) пользуюсь полным Вашим доверием (или?) и состою не только членом «Союза», но и делегатом его в Америке; что Вы поэтому находите более удобным и рациональным в интересах самого дела, чтоб они переписывались со мной, т[а]к к[а]к я все равно постоянно переписываюсь с Вами и более, чем Вы, знаком с местными условиями. Это необходимо для того, чтоб Общ[ество] могло что-ниб[удь] для нас сделать. Мне лично было бы невыразимо больно, если б Общ[ество], к[о]т[о]рое стоило мне стольких трудов, здоровья и времени, попало в нечистые руки. Левен[сон], быть может, и очень хороший марксист, но к[а]к соц[иал]-дем[ократ] (революц[ионер]) он очень проблематичен. Я вошел в сношения с Филадельфией, Бостоном, New-Haven'ом, где имеются русские колонии; постараюсь и там организовать Соц[иал]-дем[ократическое] общ[ество], но там я с самого начала себя иначе поставлю.

Что хорошего у Вас? Я здесь страшно тоскую и, если бы не надежда двинуться скоро в нашу милую «Азию», я удрал бы отсюда. Пишите, к[а]к Вы смотрите на тепереш[нее] положение России; думаете ли Вы, что XIX-ое ст[олетие] кончится для России тем же, чем кончилось прошлое для Франции¹¹? Кабы, кабы!

Крепко жму Ваши руки

Ваш Ингерман

[Адрес мой: Dr. Ingerman 21, Morgan str. Hartford Conn U.S. of America]¹².

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 454. В. 156.3. Л. 1 – 3 об. Автограф. Опубл.: Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 258–260. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Датировка автора.

² В тексте ошибочно «Григорий».

³ 12 августа 1891 г. в русской социалистической группе «Саморазвитие», существовавшей в Нью-Йорке с 1888 г., произошел раскол. Группа эта считала себя беспартийной, но часть ее членов настаивала на поддержке только социал-демократического движения в России. Во главе беспартийной части стояли И. Гурвич и Л. Миллер. Социал-демократы, во главе с С. Ингерманом, вышли из «Саморазвития» и организовались в «Русское социал-демократическое общество». В 1907 г. это общество, подкрепленное новыми эмигрантами из России, преобразовалось в «Группу российских социал-демократов». – Прим. составителей «Литературного наследства Г.В. Плеханова».

⁴ Об «Обществе борьбы с голодом» См. док. 100.

⁵ Фраза, заключенная в квадратные скобки, при первой публикации была опущена.

⁶ Фраза, заключенная в квадратные скобки, при первой публикации была опущена.

⁷ Фраза, заключенная в квадратные скобки, при первой публикации была опущена.

⁸ О, святая простота (*лат.*).

⁹ Фразы, заключенные в квадратные скобки, при первой публикации были опущены.

¹⁰ Вероятно, «Русского социал-демократического союза», от имени которого группа «Освобождение труда» выпустила несколько изданий в 1889 г. – Прим. составителей «Литературного наследства Г.В. Плеханова».

¹¹ Ингерман намекает на Великую французскую революцию.

¹² Адрес в первой публикации был опущен.

1892, 16(28) февраля
Карийск²

Дорогая сестра моя!

Вот уже около месяца, как получил твое письмо, а до сих пор не собрался тебе написать. Раньше со мной этого никогда ни случалось; я всегда бывал аккуратен в переписке, всегда отвечал вскоре по получении письма. Никаких особых причин моего замедления в ответе, никаких происшествий не приключилось со мною, – просто неохота была взяться за перо, не мог собраться никак. И не то, чтобы я был особенно занят. Наоборот, когда я очень занят, тогда-то я и аккуратен, а когда тянешь лямку – не хочется писать. Отчасти, впрочем, и ты сама виновата. Ты знаешь, или, по крайней мере, можешь себе представить, как монотонно однообразна наша жизнь, как мало дает она материала для бесед, а особенно для переписки. Но тем не менее я, думаю, находил бы темы для писем, если бы в тебе встретил отклик. Много всяческих попыток делал я, и все они оставались безрезультатны[ми]. Признайся, что меня нельзя попрекнуть в отсутствии старания, усердия в этом отношении. Но ты, в конце концов, обезоруживаешь меня, у меня опускаются руки. Я не знаю, с какой стороны подступить, о чем писать, я даже не знаю, интересуют ли тебя те темы, к[о]т[о]рых я касался. А о чем мне писать, как не о том, что меня окружает, что меня занимает? И естественно, из году в год, сообщая об одном и том же, – что при однообразных условиях моей жизни неизбежно, – я поневоле должен повторяться, а следов[ательно], и надоесть. Не думай, дорогая, что это мнительство, укоры и т.п. Я только объясняю, почему мне теперь трудно подолгу взяться за перо, чтобы тебе написать, чего со мной никогда раньше не случалось: ведь я, припомни... (На этом месте меня прервали гости, а там пошли всякие мелочи, и я три дня не мог взяться за перо). Не буду перечитывать написанного, не буду продолжать.

[В своем последнем письме³, оправдываясь в том, почему ты давно не писала мне и почему это письмо малосодержательно, ты сообщаешь, что занимаешься в заведении Рольника⁴. Решительно не могу сказать, чтобы меня радовало это известие: при твоём слабом здоровье такой труд никоим образом не может пройти бесследно. Я вполне понимаю, что тебе неприятно и тяжело, когда встречаешь апатию со стороны знакомых к своим предприятиям, но из этого вовсе еще не следует, чтобы нужно было тебе самой взяться за трудную и вредную для тебя работу с целью утереть нос скептикам, считавшим невозможным довести до конца начатую работу. Не бережешь ты своего здоровья, неисправимый ты человек!]⁵

Судя по всему, твои материальные условия очень скверны. Да иначе и быть не может: свирепствующий в России голод, наверное, отражается и на ваших условиях, так же, как на наших он отразился. Но мы все же живем не хуже, чем в прошлом году. Хлеб и вообще съестные припасы не дороги, и у многих, кроме казенного пособия и небольших получек из дому, есть кое-какие, хотя и ничтожные, заработки; к тому же и потребности у нас не очень велики. Я лично живу даже лучше, чем часто случалось, когда был с тобой. В этом, т.е. в материальном отношении, мне везет, как никому пока. Но «не единым хлебом сыт будешь»⁶, и я не могу похвастать, что всегда в хорошем настроении. Впрочем,

об этом ты и сама можешь догадаться, и мне нечего много расписывать о причинах полной внутренней неудовлетворенности. Достаточно, если я скажу, что часто вспоминаю слова поэта: «А годы уходят, все лучшие годы».

Читать, кроме журналов и газет, удается мало, отчасти потому, что особой охоты нет, «нет цели впереди», отчасти – обстановка, условия нашей жизни мешают, а главное – настроение: тоска, тоска! Это общераспространенное ощущение: кого ни встретишь, с кем ни разговоришься, – все на нее, злодейку, жалуются. Да оно и понятно. Тот, кто обзавелся своим очагом и поглощен весь день всякими житейскими заботами и мелочами, не имеет досуга предаваться размышлениям о своем настоящем и, вероятно, не тоскует. Остальные – холостяки, а их большинство, поневоле предаются анализу, и в результате – ощущение неудовлетворенности, бесцельности и пр. Все это избито, известно.

Теперь у нас здесь масленица, – последний день (16/28 февр[аля]); веселья, конечно, мало в этом глухом, безлюдном месте; проедет пьяный золотоискатель или офицер – и только; среди наших и того меньше, даже и ехать кататься не удастся. А я ужасно люблю катанье в санях на хорошей лошади. Последнее, т.е. приобретение саней и лошади – моя мечта, к[о]т[о]рая, вероятно, ею и останется, хотя при некотором старании я мог бы ее осуществить даже теперь. Но есть более настоятельные потребности. Не говоря уже о злополучных часах, к[о]т[о]рых у меня все же-таки нет, я не имею пока приличного костюма, одеяла и т.д., но опять-таки не потому, что невозможно мне приобрести всего этого, что нет средств, негде их достать, – достать-то я мог бы, да отчасти мой безалаберный образ жизни мешает: деньги, как говорится, меж пальцев расползаются. И не то, чтобы я кутил или что другое в этом роде, а так, зря уходят. Зато живу без лишней, без забот⁷.

[Ты давно ничего не сообщала о Лизе, Ане, Сергее, Мишке. Как-то они поживают? Получаешь ли известия от сестры Мани, от Алекс[андры] Ив[ановны], Дмитра? Маня мне месяца два назад прислала письмо, – первое письмо со времени моего выхода в команду. Оправдывается массой занятий, мешающих ей подолгу даже домой заглядывать; обещает тебе написать, но, конечно, надует, как всегда.

Очень меня обрадовало твое сообщение, что Жорж сотрудничает в «N[eu]e Z[eit]»⁸. Жаль, что не имею возможности читать его статей. Но каковы его материальные условия? Что Роза подделывает? Сколько у них детей? Поди, Лида большая девица, учится где-ниб[удь] в школе? Боже, как ты скупа на сообщения! Неужели трудно, хоть в нескольких словах, время от времени, упомянуть о внешней жизни близких. Я уже не говорю – об их настроениях, состояниях, стремлениях и пр[очее].

Ну, да Бог с тобой: пиши, когда и сколько можешь и хочешь, хотя, конечно, я был бы более рад, если бы ты была пощедрее⁹.

До сих пор еще ничего не известно о применении к нам манифеста¹⁰. Быть мож[ет], пройдет еще и не один год. А я уже, признаться, предполагал, что в этом году уйду на поселение, хотя разницы большой нет, но все же, может, разнообразие. [Сообщи мне, если знаешь, адрес Сашеньки. Давным-давно я от нее не имею известий. Да и твой постоянный адрес мне не известен, т.к. в одном из последних писем ты сообщала, что уезжаешь к Павлу и чтобы я на его имя посылал, а это не всегда удобно.

Ну, будь здорова. Ради всего святого береги себя, не проделывай над собой экспериментов, не мучь себя. Крепко и много целую тебя, а также Жоржа, Розу,

Павла и других близких]¹¹. Я никого из вас не забываю, часто вспоминаю про себя, и тяжело становится, когда подумаю, что больше не придется свидеться. Но, авось, Бог милостив, и судьба когда-нибудь сжалится.

Твой брат

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.47. Л. 23 – 24 об. Автограф с позднейшими пометами автора. Опубл. (с пропусками): Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 286–288. Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ «Вольная команда. Официальное.» – примечание Л.Г. Дейча.
- ² Датируется по тексту письма: «Теперь у нас здесь масленица, последний день (16 (28 фев.)...». Эта дата позже приписана Л.Г. Дейчем в правом верхнем углу письма, карандашом, при подготовке письма к публикации.
- ³ Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
- ⁴ То есть в типографии группы «Освобождение труда».
- ⁵ Весь абзац в первой публикации опущен.
- ⁶ «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4, 4) – ответ Иисуса Христа сатане-искусителю во время 40-дневного пребывания в пустыне.
- ⁷ Далее несколько строк вымарано.
- ⁸ К началу 1892 г. в «Neue Zeit», теоретическом органе СДПГ, были опубликованы следующие работы Г.В. Плеханова: «Н.Г. Чернышевский. Статья первая» (1890. № 8, 9), «Столетие великой революции» (1890–1891. Jg. IX. Bd. 1. № 4, 5), рецензия на кн. Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (Там же № 14), «Внутреннее обозрение (Русская жизнь в 1890 г.)» (Там же. № 47–52), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891–1892. Jg. X. Bd. 1. № 7–9).
- ⁹ Три абзаца, заключенные в квадратные скобки, в первой публикации были опущены.
- ¹⁰ См. док. 93.
- ¹¹ Текст, заключенный в квадратные скобки, в первой публикации отсутствует.

104

Г.В. Плеханов – В.И. Засулич

1892, 12 марта
Цюрих¹

Милая Вера Ивановна,

будьте покойны. В то время, когда Вы получите эту карту, типографщик, вероятно, уже будет восхвалять нас за аккуратность, выдавши нам расписку. Деньги ему посланы. Всего послано, на имя Розы, четыреста двадцать франков. Волжский или Левашов отнесут деньги типографщику. Остальные Роза передаст Вам. Попрошу Вас, если можно, уделить ей немного из остатков. Переплетчику деньги еще будут. Думаю, что следовало бы дать Рольнику. Сегодня вечером или завтра утром напишу Вам еще, теперь спешу. Ну, и человек же этот Г². Кряжист!

Ваш Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 39. А 31.20. Л. 1.
Автограф на почтовой карте со штемпелем отправления:
«Zürich. 12. III. 92.» Адресовано: «M-me Beldinsky. Maison Favre, aubergiste. Mornex, Haute Savoie (pres Genève. France par Reignier)». РГАСПИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 42. Л. 35. Фотокопия

с подл. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 24].
Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Датируется по почтовому штемпелю отправления.

² Г. – это некий Гурьев, о котором необходимо сообщить здесь, так как благодаря его материальной поддержке появились в 90-х г.г. номера журнала «Соц[иал]-дем[ократ]». Врач по профессии, он в студенческие годы несколько либеральничал. Затем, получив огромное наследство, вместе с женой и детьми отправился путешествовать. Приехав в Женеву, он разыскал Вер[у] Ив[ановну], к которой, если память мне не изменяет, предъявил рекоменд[ательное] письмо, кажется, от ее сестры, Алек[сандры] Ив[ановны] Успенской. Это было после выхода сборника «Соц[иал]-дем[ократ]», средства на который дал Кулябко-Корецкий. Плеханову и его друзьям очень хотелось продолжать это издание. Узнав об этом, Гурьев согласился дать средства. Но в то время, когда он швырял деньгами, прокучивая огромные суммы на шампанское и т.п., он только после бесконечных волокут и торгуясь буквально из-за каждого франка, выдавал на «Соц[иал]-дем[ократ]» по рассказам Г[еоргия] В[алентиновича] и В[еры] Ив[ановны], было настоящим мучением и неимоверным унижением вытянуть у него минимальные суммы, необходимые для оплаты наборщиков, за бумагу и пр. Затем, после выпуска 3-й или 4-й книжки, он окончательно отказался от исполнения своего обещания. Кончил этот «меценат» очень скверно, – стал горьким пьяницей, которого обобрала какая-то мейтресса. – Прим. Л.Г. Дейча.

105

Л.Г. Дейч – П.Б. Аксельроду

15 (29) марта 1892г.

Карийск

Дорогой мой брат!

Недели две назад получил твое письмо¹, начатое еще в конце прошлого года и оконченное в этом году, по-видимому, в Морнэ. Не могу, брат, не выразить своего неудовольствия, что ты так медлишь с ответами и вообще редко пишешь: ты ведь знаешь, какое удовольствие, – нет, больше того, – какую для меня потребность составляют твои и сестрины письма². Она, правда, пишет чаще, но, как знаешь, крайне лаконична и скупа на сообщения, могущих меня интересовать известий, слухов и пр[очее]. От Дм[итра] я также не получаю писем, но не вследствие его лени или забывчивости. Так[им] обр[азом], как видишь, я остаюсь почти совершенно вне связи и общения с близкими, а это для меня большое лишение. Знаю, конечно, все, что «ты можешь сказать в свое оправдание», и, принимая это во внимание, могу быть объективным, беспристрастным. Но временами, признаюсь, сержусь и отпускаю мысленно неодобрительные эпитеты на ваш счет. Но, Бог с вами.

Последнее твое письмо, хотя и касается почти исключительно прозаического дела – кефирного твоего предприятия, – тем не менее показалось мне очень интересным благодаря его обстоятельствам, за каковую я приношу тебе даже благодарность: ты ведь знаешь, что я мню себя скрытым, «потенциальным финансистом», которому лишь обстоятельства помешали применить на деле свои «способности», а то и «таланты». Меня интересуется техника и организация всякого сколько-нибудь крупного промышленного предприятия, даже когда оно не имеет никакого отношения ко мне или к кому из близких мне, а просто по объективному интересу. Тем сильнее этот интерес, когда данное предприятие – дело

близких мне людей. Фактическими данными ты уяснил мне общее положение твоего заведения, его размеры и отчасти – организацию. (Признаюсь, я с удовольствием читал о нек[о]т[о]рых приемах, указывающих на то, что у вас есть стремление поставить дело широко и пользоваться некоторыми улучшениями и усовершенствованиями, напоминающими крупное предприятие: телефон, газовое освещение, объявления, филиальн[ые] отд[еления]). Но я все же не могу понять, почему это предприятие, в конце концов, дает ничтожные, а то иногда и никаких доходов и даже убыток? Я не могу понять, в чем причина этого положения? Если на кефир есть у населения спрос, то оно должно в среднем оплачивать его так, чтобы покрывались все издержки с известной чистой выручкой; а если его нет, – тогда за 7–8 л[ет] твоих усилий ты должен был убедиться, что вызвать необходимого спроса ты не можешь, не в силах, а следов[ательно], при малейшей возможности нужно развязаться с этим предприятием и не тянуть канители, как ты мне описываешь ее. Ты скажешь, конечно: «Тебе легко, будучи вдаль, сплеча так легко решать: – взял, мол, да бросил, раз убедился, что невыгодно; а будь ты здесь, сам бы увидел, что здесь перепутана целая масса причин и условий, мешающих так легко развязаться». Я даже отчасти и догадываюсь об этих причинах, но все же думаю, что или само это предприятие не может быть прибыльно, или в ваших приемах, средствах и условиях есть нехватки³. В первом случае, как я уже сказал, остается только бросить, а не льстить себя надеждой, не тянуть время, а во втором – надо сделать все от вас зависящее, что, я уверен, вы давным-давно и сделали. Но довольно пока о кефире (ты, однако, время от времени, делись со мною сведениями о ходе этого предприятия). Поговорим о другом, о заведении Рольника. Ты меня обрадовал сообщением, что оно пережило кризис и что есть надежда на улучшение дел фирмы. Я теперь не имею никакого представления о положении дел этой фирмы⁴, – ты и сестра крайне лаконичны и даже пифичны⁵: какие-то у вас намеки, упоминания, высказывания надежд, а «зачем и про что», как говорит один мой знакомый, «неизвестно». Сестра, напр[имер], упоминает о поездке Жоржа в Париж на свидание с кем-то из родственников. Но какое это может иметь отношение к заведению Рольника, на что она намекает, мне, непосвященному, конечно, ни в жизнь не сообщить. Нет, брат, скверно, будучи отделенным от близких тысячами верст, сохранять живой, сильный интерес ко всему, что их касается! Тогда еще интенсивнее чувствуешь неприглядность своего положения, невозможность быть спокойным, «уравновешенным». Мне хотелось бы знать обо всем, вас занимающем, а тут – в месяц «по столовой ложке» – получаешь пифические и лаконичные намеки на ваши условия, интересы. Руки опускаются, не хочется братья за перо, чтобы писать вам, зная, что все мои просьбы, старания вызвать у вас охоту писать подробнее и чаще пропадают даром. Да и о чем могу я писать, не получая от вас импульса?! Условия моей жизни я давно и много раз описывал. О моих занятиях много не распишешься: почитываю книжки, да что толку в этом? Кстати, теперь читаю Брайса – «Американская конституция», обстоятельное и интересное с фактической стороны сочинение⁶, но личные взгляды автора, его восторг перед тамошними порядками во мне, наоборот, почему-то возбуждают антипатию к этой стране. По этому поводу у меня здесь происходят часто споры с одним товарищем, большим поклонником С[еверо]-А[мериканских] Сое[диненных] Штатов⁷. Но у нас сравнительно ограниченные сведения и источники. Не можешь ли у геноссов⁸ узнать и достать сочинения по этой части? Читал ли ты книжку Либкнехта⁹ о его путешеств[ии] в Амери-

ку и как думаешь, можно ли мне рассчитывать на ее получение? Присланное тобою давно сочин[ение] Сарториуса фон-Вальтерсгаузена об Америк[анских] рабоч[их] союз[ах]¹⁰ мне в общем понравилось. Можешь, если есть, прислать и др[угие] в этом роде. Посланные давно родственниками Мойше немец[кие] книги (Статист[ика] Шв[ейцарии] и др[угие]) он получил, и мы прочитали их с большим интересом¹¹. Можешь, и даже прошу, прислать другие сочинения в этом роде.

Ты упоминаешь о письме ко мне твоего шурина¹² (как его фамилия?), написанном в июне, но я такового не получал¹³. Ну, довольно. Посылаю наилучшие пожелания всем, всем близким. Целую тебя и других много и крепко.

Твой брат Лев

Сестре скажи, что я ей недавно писал и на прошлой неделе получил от нее письмо. Жду от сестры извещения о результатах поездки Жоржа и вообще о делах заведения Рольника¹⁴.

*РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.48. Л. 12 – 13 об. Автограф. Оpubл. (под датой 15 (29) апреля 1892 г.):
Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 120–123.
Публикуется по автографу.*

Примечания

¹ Письмо П.Б. Аксельрода не обнаружено.

² Письма В.И. Засулич.

³ Так в тексте.

⁴ «Заведение Рольника» – *жневская типография группы «Освобождение труда»*. Слово «фирма» тоже употреблено из конспиративных соображений, для отвода глаз. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁵ «Пифичны» – от имени Пифии, древнегреческой жрицы-прорицательницы в храме Аполлона.

⁶ Имеется в виду трехтомник *Джемса Брайса (Bryce) «The Amrican Commonwealth»* (London, 1888), в русском переводе вышел под названием «Американская республика» (М., 1889–1890).

⁷ То был *небезызвестный Фаддей Рехневский, осужденный в Варшаве на каторгу по делу «Пролетариата» в 1887 г.* См. о нем в кн. «16 лет в Сибири». – Прим. Л.Г. Дейча.

⁸ От «Genosse» (нем.) – товарищ, т.е. немецкие социал-демократы.

⁹ В 1886 г. Либкнехт совершил поездку в Северную Америку, результатом которой явилась книга «Ein Blick in die Neue Welt».

¹⁰ Вероятно, в данном случае идет речь о его книге «Der moderne Sozialismus in den Vereinigten Staaten von Amerika» (Berlin, 1890).

Экономический кризис в США 1873 г. дал толчок развитию рабочего движения, в ходе которого создавались рабочие организации: «Орден рыцарей труда» (зародился в 1869 г., стал распадаться в начале 1890-х гг.) и Американская федерация труда – АФТ (возникла в 1881 г. и окончательно оформилась в 1886 г.). Кроме того, создавались рабочие организации в отдельных взятых штатах: Рабочая партия реформ в Айове, Индустриальная рабочая партия в Балтиморе, Народная партия в Милуоки и т.д.

¹¹ В переплетах этих книг также был заделан сборник «Социал-демократа». – Прим. Л.Г. Дейча.

¹² Имеется в виду Я.М. Кальмансон.

¹³ После этого десять строк тщательно зачеркнуты. Просматривавший тогда нашу переписку торжественный служащий, некий Похоруков, о котором я сообщаю в кн. «16 лет в Сибири», пропуская очень опасные, с точки зрения правительства, места и зачеркивал не имевшие никакого политического значения сообщения о мелочах, – просто по невежеству. – Прим. Л.Г. Дейча.

¹⁴ Последние строки приписаны по левому и верхнему полям оборота последнего листа письма.

1892, 22 апреля (4 мая)

Карийск

Дорогая сестра!

Недель шесть прошло, как получил твое последнее письмо¹, в котором ты сообщаешь, что Жорж уехал в Париж на свидание с кем-то из родственников² и что Павел у вас гостит. Ты возлагаешь какие-то особые надежды на эту поездку Жоржа для дел вашей семьи. Меня это, конечно, очень интересует. Но при чем здесь родственники Павиных и Тамары?³ Все это для меня загадки. Впрочем, надеюсь, что в следующем письме они разъяснятся. Произведения Тамары, о к[о]т[о]рых ты вскользь упоминаешь, отчасти мне известны, т.е. нек[о]т[о]рые ее английские статьи в «Fr[ee] R[ussia]» и роман⁴. Правда, что она не прогрессирует⁵, но все же, вероятно, для английской публики полезны сообщаемые ею сведения.

Очень обрадовало меня твое сообщение, что Жорж печатается в «N[ew] Z[eit]» и что его Фр[идрих] Кар[лович]⁶ высоко ценит. Бесспорно, он один из самых талантливых и образованных современных левогегелианцев. Ты, конечно, представляешь себе, как бы я желал сам прочитать его статьи. Напрасно, дорогая, ты не стараешь[ся] тем или другим способом прислать или в письмах познакомить меня хоть вкратце с содержанием его статей.

Я предвидел и заранее беспокоился за твое здоровье, узнав, что ты очень усиленно занимаешься работой в заведении Рольника⁷. Надеюсь, что наученная опытом, ты по крайней мере впредь не будешь производить над собою таких экспериментов. Не знаю, огорчаться ли и жалеть ли, что ты, как сообщаешь, забросила давно чтение и поглощена перепиской со многими родственниками?⁸ Если результатами этой переписки ты сама довольна, то можно, конечно, на время и расстаться с чтением. Но а priori⁹ сомневаюсь, чтобы ты была довольна, и тебя, вероятно, удручает это занятие при твоей нелюбви к переписке. Переписываешься ли с Дмитрием? Что он тебе сообщает? Я от него получил за все время две книги, значит, знаю, что он жив, но у тебя, должно быть, есть подробные его письма¹⁰.

О себе, по обыкновению, не могу сообщить ничего особенно нового, отрадного. Недавно нам объявили о применении к большинству из нас Манифеста по случаю проезда наследника по Сибири¹¹. Я и еще человек 10 изъяты, но, по-видимому, вследствие характера наших дел. В числе изъятых из твоих знакомых также и Зунделевич и Фомин¹². Те, к которым не был применен Манифест 1883 г. (коронационный), получили сбавку трети срока, а к которым уже тот был применен, получили скидку 1 год. Признаюсь откровенно, что я не ожидал изъятия, но и не огорчен этим обстоятельством, так как перспектива поселения в Якутской обл[асти] вовсе не заманчива. Правда, и там люди живут, и там есть свои относительно хорошие стороны, но я навряд ли удовлетворился бы ими. Здесь, по крайней мере, в смысле материальных, житейских удобств можно устроиться довольно сносно, а там мелкие лишения и нужды могут вогнать в отчаянную хандру. Терпеть не могу, когда приходится думать о мелочах жизни, о том, где бы и как бы достать того или этого. И без того жизнь довольно прозаична – «такая пустая и глупая шутка». А тут еще заботься, придумывай, что и как достать и сделать. Но из этого ты не заключи, что я занят «высшими», «ин-

теллектуальными» вопросами. И умственных интересов мало, если не сказать почти никаких. Знаю из поврем[енных] изданий, что делается на белом свете, говорю об этом с тем или другим товарищем, читаю более или менее устаревшие уже сочинения по разным социальным вопросам, – но все это так, для провождения времени, как провинциальная барышня смотрит по целым дням в окно или зачитывается заборист[ыми] роман[амии]. Цели, смысла, системы нельзя при наших условиях вкладывать в занятия, – лишь бы «день прошел – и слава Богу». Но и это будет неверно, если ты подумаешь, что дни тяготят, что они кажутся очень длинными, как это бывало, хотя со мной редко, в тюрьме. Нет, дни быстро проходят здесь, то в тех, то в других занятиях, и, объективно говоря, мне грешно на что-либо жаловаться; но, что поделаешь с присущим каждому чувством неудовлетворенности? Все же «чего-то нет, кого-то жаль», а отсюда – тоска, по временам сильная. Тебе, конечно, она знакома, если не в большей, то и не в меньшей степени, хотя ты и живешь при иных, лучших условиях.

Но я, пожалуй, нагнал на тебя грусть?

Признаюсь, я времена[ми] сержусь на тебя за то, что крайне лаконично пишешь о себе, а о близких совсем почти и не упоминаешь. Но, поразмыслив, понимаю, что ты совсем или мало в этом виновата. Я стараюсь сам мысленно дополнить картину вашей жизни. Однако еще и еще прошу тебя, пиши мне, насколько возможно, подробнее и обстоятельнее. Знай, что меня всё интересует: и прочитанная тобой интересная статья или книга, и встреча с новым человеком, и узнанный факт, и пр[очее]. Мне все же кажется, что при твоих условиях можно без особого напряжения раз в месяц собирать факты и сведения для интересного и обстоятельного письма.

Тогда и у меня будет больше материала и охоты писать тебе, а то часто не берешься за перо просто потому, что неохота ввиду твоей лаконичности. А ведь таким образом ослабеваешь связь, отвыкаешь, и чем дальше, тем труднее становится браться за перо. Прости, если я, не желая того, неумышленно огорчил тебя чем-ниб[удь] в этом или в предыдущих письмах. Передай Жоржу мою радость по поводу его успеха и мои ему наилучшие пожелания на литерат[урном] поприще. Неужели Павел все не может пристроиться к литературе? Ну, всего, всего вам всем наилучшего. Крепко целую всех, а тебя в особенности много-много.

Твой брат Лев

P.S. Только что получил новое письмо¹³ от Дм[итра].

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.49. Л. 25 – 26 об. Автограф с позднейшими примечаниями и пометами автора. Опул.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 289–291. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

² На совещание со «старыми народовольцами» о создании «Лиги борьбы с голодом». См. док. 101.

³ Пава – М.Н. Ошанина, «родственники павиных» – народовольцы. Тамара – С.М. Кравчинский.

⁴ Роман – «Андрей Кожухов», незадолго до того изданный на английском языке.

⁵ Под «она» надо понимать Тамару, т.е. Кравчинского, а говоря, что она не «прогрессирует», я, вероятно, подразумевал, что Кравчинский, несмотря на близкое знакомство с Энгельсом, все же оставался романтиком, народовольцем, утопистом. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁶ Ф. Энгельс.

⁷ Под «занятием в заведении Рольника», повторяю, я подразумевал работу в качестве наборщицы в типографии группы «Освобождение труда». – Прим. Л.Г. Дейча.

⁸ То есть, сношениями с членами возникшего тогда «Союза русских социал-демократов». – Прим. Л.Г. Дейча.

⁹ До опыта (лат.).

¹⁰ Далее одна строка вымарана зелеными чернилами.

¹¹ См. прим. 1 к док. 93.

¹² Фамилии «Зунделевич» и «Фомин» надписаны сверху над вымаранной частью строки.

¹³ Письмо В.И. Засулич не обнаружено.

107

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1892, начало августа¹

Морнэ

Дорогой Павел,

от Вас что-то нет известий. На всякий случай пишу Вам несколько строк. Наш Шейлок² требует от меня расписок в получении денег на издания (наши). Я ему ответил, что ему о расписках следовало [бы] подумать раньше и что мы со своей стороны частью уже напечатали о получении денег от него (4 кн[ига] «С[оциал]-д[емократа]» от Г.³ 500 fr[анс]), а частью напечатаем в брошюре о Фейербахе⁴. Дал он мне вперед гонорар и теперь желает, чтобы я об этом «напечатал» (!). Я ответил ему, что этого не делалось даже в юмористической «Стрекозе», но если он чем-нибудь недоволен в наших отношениях к нему, то я предлагаю ему революционный третейский суд⁵, которому безынтересно будет узнать всю историю наших финансовых отношений. Пишу об этом, чтобы Вы знали, à quoi vous en tenir⁶. Если он придет к Вам объясняться, отсылайте его ко мне; если он заговорит об этом на собрании, предлагайте третейский суд тут же на собрании. Пишите лучше мне, а не Вере Ивановне, она совсем больна от всех этих гадостей, да и у меня нервы пошаливают. Привет всем Вашим. Escasons l'infame!⁷

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А 9.29. Л. 1 – 1 об.
Автограф. Оpubл.: Переписка Г.В. Плеханова и
П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 79–80. Публикуется
по автографу.

Примечания

¹ На оригинале данного письма, равно как и следующего письма Г.В. Плеханова, имеется сделанная чьею-то, но не Г.В. Плеханова рукою пометка: «1893 г.». Тем не менее анализ содержания этих писем заставляет отнести их к 1892 г.; в частности, данное письмо мы относим к середине 1892 г. по следующим соображениям: т. IV «Социал-демократа» вышел в начале 1892 г.; в этом же 1892 г. вышла и брошюра Ф. Энгельса о Фейербахе (предисловие к ней Плеханова помечено июнем 1892 г.), о которой Г.В. Плеханов в данном письме говорит, как только еще имеющей выйти; далее: следующее письмо, являющееся, несомненно, продолжением начатого в данном письме обмена мнениями, говорит о свидании П.Б. Аксельрода с Грозовским; как вспоминает П.Б. Аксельрод, это не особенно приятное свидание было во время летнего от-

дыха П.Б. Аксельрода, к которому в деревню (Affoltern) Грозовский специально с этой целью приезжал. Между тем в начале 1893 г. между Грозовским и группой «Освобождение труда» уже произошел полный разрыв, следовательно, летнее свидание, о котором вспоминает Аксельрод, могло иметь место только в 1892 г. – Прим. Б.И. Николаевского.

Уточнение датировки – «начало августа» – по письму Г.В. Плеханова к Грозовскому от начала августа 1892 г. (См. док. 309 в приложении к настоящему изданию), на содержание которого Плеханов ссылается в письме к Аксельроду.

² Шейлок – персонаж комедии В. Шекспира «Венецианский купец». Жестокий ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправимого должника.

«Шейлоком» и «Идолем» в своей переписке называли Грозовского члены группы «Освобождение труда».

³ Грозовский.

⁴ В брошюре Ф. Энгельса о Л. Фейербахе, вышедшей в Женеве в 1892 г., напечатано в отчете о поступлениях в кассу Группы: «На издание брошюры Л. Фейербах от Городина 760 фр.» – Прим. Б.И. Николаевского.

Речь идет о книге: Энгельс Ф. Л. Фейербах / Предисл. и прим. Г.В. Плеханова. Женева, 1892.

⁵ Третейский – относящийся к разбору спора, конфликта третьей, незаинтересованной стороной. Третейский суд – суд, избираемый самими сторонами для разрешения спора между ними.

⁶ Как Вам держаться (фр.).

⁷ Уничтожим бесчестие! (фр.).

108

П.Б. Аксельрод – Г.В. Плеханову

1892, 20 августа¹
Цюрих

Милый Жорж!

Одновременно посылаю на адрес Морнэ² другое письмо*³ Гроз[овского], на которое жду ответа. Здесь же пишу к Вам, так сказать, конфиденциально. Прежде всего о выданном Гроз[овским] вперед гонораре. Собственно на этой почве он должен провалиться в глазах всякого порядочного человека, при том порядочного не только в политическом, революционном смысле, но и чисто житейском. Разве частные предприниматели, подрядчики и т.д. не получают часто вперед известных сумм на выполнение порученного им дела? Но боюсь, что он собирается на время улизнуть от нас и нарочно затягивает переписку, чтобы иметь тень основания взвалить вину на нас и затем прикрыть свой отказ ссылкой на обстоятельство политического характера. К сожалению, мое неведение относительно разных технических подробностей и деталей последних разговоров Ваших с идолом⁴ дают ему возможность затягивать переговоры со мною. Свидетелься мне с Вами? Но ведь у нас в кассе шиш, если не считать 50 франков, следуемых ей от Нади, да и эти деньги не наши, а составляют часть суммы, присланной на доставку книг в Питер⁵.

Будь теперь осень, я мог бы устроить, чтобы часть колонии вызвала Вас для реферата, но публика в разъезде. Поэтому в данную минуту я не могу придумать средства, как бы съехаться нам. Вы, может быть, думаете: «Неужели Павел не в состоянии был бы на свои средства сюда приехать?» Увы! – самая мысль о воз-

* Только что получил письмо В[еры] и «расчет», потому посылаю Вам для сведения означенное письмо.

возникновения у Вас такого вопроса наполняет мое сердце горечью. Я было хотел, под непосредственным впечатлением Вашего письма, за откровенность отплатить откровенностью и попытаться облегчить перед Вами свое нравственно измученное сердце, разъяснить мое материальное положение, чтобы устранить то представление о нем, которое, – я боюсь, – как недоразумение, нравственно подрывает мою связь с самыми дорогими и близкими товарищами. Но непосредственное впечатление прошло – мне уж не удастся сделать этого⁶. Пора, однако, возвратиться к Шейлоку⁷.

Последнее письмо его есть ответ на мое резюме данных, содержащихся в Вашем письме ко мне⁸. Мне теперь нужно иметь в руках подробный, так сказать, официальный счет, который я мог бы ему послать с категорическим требованием. Далее, я прошу у Вас полномочия (не офиц[иального]) без обиняков переписываться с ним и насчет ссуженного Вам гонорара. Полномочие...⁹

Автограф не обнаружен. Оpubл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 81–82. Публикуется по тексту книги «Переписка...».

Примечания

¹ Датируется по содержанию и первым строкам письма П.Б. Аксельрода к Грозовскому от 21 августа 1892 г. «Ваше письмо от 18 августа получил вчера утром и отправил его в Морне...». См. док. 315 в приложении к настоящему изданию.

² По-видимому, на адрес В.И. Засулич. Данное письмо, очевидно, было послано через Женеву, на адрес Р.М. Плехановой.

³ См. док. 314.

⁴ «Идол» – Грозовский, прозванный так за отношение, которым его окружали некоторые из его тогдашних знакомых.

⁵ Вероятно, речь идет о кружке Ю.О. Мартова, который летом 1892 г. через А.Н. Потресова установил связь с группой «Освобождение труда» и начал получать от нее литературу. См.: *Мартов Ю.О. Записки социал-демократа*. М., 2004. С. 97–98

⁶ *Некоторые враждебные с.-д. эмигранты распространяли в то время за границей слухи о «буржуазности» Аксельродов, – о том, что их маленькое предприятие (изготовление и продажа кефира) дает большие барыши и т.д. Совершенно не отвечавшие действительности слухи эти сильно нервировали П.Б. Аксельрода, так как иногда влияли на отношение окружающих.* – Прим. Б.И. Николаевского.

⁷ То есть Грозовскому. См. прим. 2 к док. 107.

⁸ Очевидно, док. 107.

⁹ Окончания письма не сохранилось.

109

Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1892, до 21 августа
Аннемас¹

Милый Павел,
получили мы сегодня Ваше послание². Что Вы очень хорошо ответили Гр[озовскому]³, это само собою разумеется. Но так как у Вас, наверное, еще состоится свидание, то я и пишу Вам несколько слов.

Дело вот в чем. Я требую с Гр[озовского] недостающую сумму за Фейербаха⁴. Сколько именно, сами сочтите: печать 70 fr[anc]. лист; перевод 45; оригинал

(примечания) 100; в брошюре 8 листов; получено всего 760 fr[анс]. Кроме того, я требую с него денег на брошюру «Развитие научного социализма»⁵, которая уже почти готова набором. Сколько за нее следует, – сочтите сами, она у Вас, вероятно, имеется. У Гр[озовского] может быть только один предлог не давать денег, это следующий: когда я был в Цюрихе, он мне дал вперед деньги за перевод Фейербаха. Кроме того, мы условились, как Вы помните, что я напишу брошюру о капитализме для рабочих. За эту брошюру, по расчету на 5 листов, он также мне заплатил вперед. В этом нет ничего необычного. «Отечественные записки» сами предлагали мне гонорар вперед, когда я писал в них⁶. Но Гр[озовский] – Шейлок. Он думал, что он меня свяжет по рукам и по ногам этим одолжением. Увидел, что не связал. Это его бесит. [Он, вероятно, решил отомстить за мое «надувательство», как же отомстить? Он Вам, вероятно, скажет, что денег он больше давать не хочет, а что он должен – пусть зачтут за «долг» мой ему. Но Вы на это не соглашайтесь. Я уже сделал приготовления к работе. Она может быть готова в самый короткий срок. Следовательно: 1) мой труд уже затрачен; 2) какое дело группе до того, что Гр[озовский] решился дать вперед гонорар за такую работу, которой он теперь не желает печатать? Скажите, что я уже пишу брошюру, что он должен дать деньги на ее печатание.

Вы спросите, почему я Вам не сказал об этом? Да, милый Павел, тяжело говорить о своих нуждах даже такому старому и испытанному товарищу, как Вы. Вера до сих пор не знает этого. Рассказать ей об этом – значит рассказать, в каком ужасном положении был я весной. А весело ли это? Я скрываю от друзей свои бедствия. Это нехорошо, но, право же, это извинительно; ведь я только и сделал, что, не беспокоя их, взял вперед гонорар у Шейлока.

По-моему, следовало бы Вам настоять на свидании с Шейлоком и потребовать у него деньги, грозя иначе третейским судом. Я не побоюсь судиться с ним перед кем угодно⁷.

Ах, милый Павел, как бы мне хотелось видеть Вас, поговорить с Вами. До какой степени Вы бесконечно умнее, выше, чище, революционнее наших «молодых товарищей»!

[Вере мне придется тоже сказать о сделке с Шейлоком, т.е. о получении с него гонорара вперед. Но, пока что, если в Ваших письмах будет что-нибудь касающееся этого, пишите мне и адресуйте в Женеву, Розе, 5, Rue des Allemands.

Еще раз, может быть Вам странно, что я не сказал ни Вам, ни Вере о деньгах, взятых у Шейлока. Но, повторяю, ведь не укрыв же я их, я только взял их вперед, что делается решительно во всех русских редакциях.

А говорить Вам значило рассказывать очень грустную повесть⁸.

Очень рад, что понравились Вам мои примечания⁹. Ваши похвалы и одобрения для меня лучшая награда за работу. Привет всем Вашим.

Ваш Г. Плеханов

¹⁰Посылаю без марки. Поздно, почта заперта, а в café марок нет. Как бы нам повидаться? Вы ли приедете, или мне приехать?

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 10. А. 9.30. Л. 1 – 3 об. Автограф на бланке «Brasserie de S'–Jean. Dumont. Appemasse». Опубл. (с пропусками): Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 80–81.
Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Датируется по письму П.Б. Аксельрода к Грозовскому от 21 августа 1892 г. (См. док. 315 в приложении к настоящему изданию), в котором приводятся сведения, полученные Павлом Борисовичем из публикуемого письма к нему Плеханова.
- ² Очевидно, док. 108.
- ³ Возможно, док. 312.
- ⁴ Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», впервые увидевшая свет в 1886 г. в журнале «Die Neue Zeit» (№ 4–5). В 1892 г. в Женеве, в серии «Библиотека современного социализма», издававшейся группой «Освобождение труда», вышел первый русский перевод этой книги. Перевод был сделан Г.В. Плехановым, им же были написаны примечания и небольшое предисловие «От переводчика».
- ⁵ Второе издание этой книги в переводе на русский язык В.И. Засулич вышло в конце 1892 г.
- ⁶ В «Отечественных записках» было опубликовано две статьи Г.В. Плеханова под псевдонимом Г. Валентинов: «Новое направление в области политической экономии. Рец. на кн.: Meyer M. Die neuere Nationaloekonomie in ihren Hauptrichtungen; Lavleley de E. Le scialisme contemporain» (1881. № 11), «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова» (Статьи 1–4. 1882. № 5–6; 1883. № 9–10).
- ⁷ Три абзаца, заключенные в квадратные скобки, в первой публикации были опущены.
- ⁸ Три абзаца, заключенные в квадратные скобки, в первой публикации были опущены.
- ⁹ К брошюре Ф. Энгельса о Л. Фейербахе. См. прим. 4.
- ¹⁰ Эти заключительные строки приписаны по левому и верхнему полям оборота третьего листа письма.

110

В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1892, до 24 августа¹
Морнэ

...²«Развитие»³ почти все набрано. Вам будет послан Блюменфельдом 5-й лист уже готовый к печати. Брошюра уже вышла бы, если бы мы не встречали затруднений в печати вследствие того, что приходится вести дело в долг. Тем не менее, через неделю или дней через 10 она выйдет. Жорж утверждает (да то же утверждает и просто здравый смысл), что с г. Грозовским было условлено получение денег по мере выполнения работы, но никак не по окончании того или другого издания. Вы пишете, г. Грозовский уезжает на 2 ½ м[еся]ца. Попросите его устроить так, чтобы мы получили деньги за «Развитие» тотчас же по его выходе, по крайней мере. Если же он отложит уплату до своего возвращения, он этим нарушит условие самым коренным образом, заставив нас прекратить всякую работу (ничего больше мы в долг печатать абсолютно не можем и не хотим) и тем поставит в невозможность напечатать до конца года (марта) условленные 30 листов. Брошюра о капитализме еще не отделана⁴, а т[ак]к[ак] набор «Развития» в 2–3 дня будет кончен, то приступим к набору «Наемн[ого] труда»⁵. Брошюра м[ожет] б[ыть] будет опять идти параллельно, как и «Фейерб[ах]» с «Разв[итием]». Дальше намечено перепечатать Дикштейна⁶. Мы условились напечатать 30 листов до конца года⁷. Срок же выхода отдельных брошюр можно назначить лишь гадательно и изменение этих сроков мы никак не можем считать нарушением условия. Что точность здесь невозможна, говорит простой здравый смысл: автор, наборщик могут заболеть, печатник (особенно при работе в долг) может задержать листы. Лишь за продолжительный период времени можно наверстать эти остановки. В выходе же отдельных брошюр никаких точных сроков быть не может. Это скажет всякий знакомый с делом. Спроси-

те у г. Грозовского, не желает ли он получить «Фейерб[аха]» на тонкой бумаге, на к[ото]рой мы отпечатали 300 экз. для удобства пересылки. Брошюра будет, конечно, выслана. Не посылали потому, что он не требовал. Г. Грозовскому, чтобы точно выполнить условие, требуется одно: пойти в банк и взять деньги – это так легко, что о затруднениях для него не может быть и речи. Для людей же, ведущих практическое дело литературное и типографское, могут встретиться бесчисленные затруднения, и ставить в параллель эти два выполнения совершенно немыслимо. Речь о невыполнении с нашей стороны условия может быть лишь в том случае, если к концу года мы не отпечатаем 30 листов, несмотря на точное выполнение условия относительно денег. О сроках же выхода отдельных брошюр могла быть речь только приблизительно в предположении, что также понимает и г. Грозовский, что, как оказывается, было неосмотрительно со стороны его собеседников⁸.

РГАСПИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 – 29 об. Копия, рукой не установленного лица. Оубл.: Пролетарская революция. 1928. № 11 / 12. С.276–277. Публикуется по рукописной копии.

Примечания

- ¹ Документ был приложением к письму П.Б. Аксельрода Грозовскому от 24 августа 1892 г. (док. 319). На документе помета рукой Грозовского: «Копия с письма В. Засулич к Аксельроду, присланного им мне для прочтения 24/VIII–92».
- ² Вероятно, отсутствует начало письма.
- ³ Речь идет о переиздании перевода с немецкого В.И. Засулич книги: *Энгельс Ф.* Развитие научного социализма. Женева, 1884. Переиздание было оговорено в «Условии», заключенном Грозовским и группой «Освобождение труда» весной 1892 г. (См. док. 307).
- ⁴ Согласно вышеупомянутому «Условию» группа «Освобождение труда» должна была подготовить и издать брошюры о капитализме, социализме, западноевропейском рабочем движении и задачах социалистического движения в России (См. док. 307).
- ⁵ Речь идет о переиздании перевода с немецкого Л.Г. Дейча книги: *Маркс К.* Наемный труд и капитал. Женева, 1883. Переиздание было оговорено в «Условии», заключенном Грозовским и группой «Освобождение труда» весной 1892 г. (См. док. 307).
- ⁶ Речь идет о переиздании перевода с польского Г.В. Плеханова книги: *Дикштейн С.* Кто чем живет. Женева, 1885. Переиздание было оговорено в «Условии», заключенном Грозовским и группой «Освобождение труда» весной 1892 г. (См. док. 307).
- ⁷ Предусмотрено «Условием», заключенным Грозовским с группой «Освобождение труда» весной 1892 г. Согласно ему объемы распределялись следующим образом: 15 листов на издания в серии «Библиотека современного социализма» и 15 – в серии «Рабочая библиотека».
- ⁸ Вероятно, отсутствует окончание письма.

1892, 23 августа (5 сентября)

Карийск

Дорогая сестра!

После длинного двухмесячного перерыва получил твое относительно большое письмо¹ (в два маленьких листика), от 1-го июня. В конце его ты спрашиваешь, понравится ли оно мне? Да, мне понравилась твоя, как ты выражаешься, «болтовня от души». Видно, что ты не «высиживала» его и на этот раз больше сообщила мне о себе, о своем настроении и состоянии, чем во многих предыдущих письмах. Но вместе с этой обстоятельностью, содержание письма вы-

зывает грусть. Ты по-прежнему стараешься уверить меня, что болезнь у тебя неважная, что с нею можешь видимо-невидимо лет прожить. Не буду касаться того, насколько верны эти заявления, одно то уже, что, по-видимому, тебе часто приходится лежать в постели, испытывая, очевидно, сильную боль, — уже это не может не вызывать грусти. К тому же я живо представляю себе, насколько тяжело и скверно, когда приходится болеть, не имея поблизости ни одного сколько-нибудь дорогого лица. В этом отношении даже мое положение лучше: хоть и нет у меня очень близких, но все же, в случае болезни, товарищи не только не оставят одного, но, как это было, когда я в прошлом году возился с отрубленным пальцем, даже чересчур будут ухаживать, почти не оставляя наедине, так что мне даже приходилось просить их не особенно усердствовать. Все же, несмотря на такую заботливость со стороны окружающих, отсутствие очень близкого человека особенно сильно чувствуется именно в такие моменты, как время болезни. К сожалению, ты вовсе не упоминаешь, есть ли кто-нибудь возле тебя во время болезни или обходишься лишь помощью квартирной хозяйки? Вернее всего последнее².

Этим отсутствием близких да болезнью я отчасти объясняю высказываемый тобой грустный взгляд твой на «цель жизни» своей. Ты пишешь, что «лично для себя ничего не ждешь», что «много ли, мало ли проживешь, разница будет лишь в количестве прочитанных интересных книг и более или менее интересной статье, тобой написанной, да еще в том, что лишний раз выручишь семью»³. По моему, это перечисление, при высказанном тобой взгляде, что «теперь все будет лучше и лучше, все расти и расти», — может, наоборот, казаться очень заманчивым и утешительным для очень многих людей, способно вызывать бодрость и жажду жить. Сколь многие из среды интеллигентных людей не имеют ни такой общей уверенности относительно лучшего будущего, ни личных склонностей, возможности и способностей к интересным книгам и к писанию «небесполезных статей»! Сколь многие позавидовали бы одной уже возможности только достать интересующие их книги! Только при большой требовательности от жизни или при болезненном настроении и исключительно неблагоприятных условиях можно приходиться к пессимистическому или равнодушному взгляду на жизнь! Знаю, что твой взгляд есть результат общего склада твоего характера, а отчасти и неблагоприятно сложившихся для тебя условий. Приятнее было бы, чтобы у тебя, наоборот, был жизнерадостный взгляд, бодрый, уверенный в себе, а не грустно-равнодушный. В этом отношении могу порекомендовать последнюю книгу Ренана «Feuilles détachées», о которой я только рецензию читал. Вот завидное самочувствие! Ему еще и еще хотелось бы жить, — хоть 500 [лет], — чтобы увидеть, чем закончатся ныне намеченные социальные и научные вопросы, какие народятся новые и пр[очее]. По его мнению, «субъективный скептицизм и сомнения в своих способностях всегда происходят от бездействия ума». Он утверждает, что «кто жаждет реальных знаний, никогда не станет углубляться в себя». Думаю, что эти слова Ренана довольно правильны. Действительно, огромное наслаждение и утешение быть в состоянии наблюдать и сознавать, что впереди «будет все лучше и лучше». Но в этом отношении некоторые [находятся]⁴ вполне в зависимости от внешних условий; при всем их страстном и интенсивном желании знать и видеть, что происходит, они ничего не в силах наблюдать. Ты — другое дело, — у тебя и подготовка, и благоприятная окружающая среда, ты вольна выбирать, что тебя интересует, и только болезнь да дурное настроение могут явиться тебе помехой. Но возьмем меня. Положим, меня интеле-

ресуют экономические условия вообще и каждой данной страны и местности, в частности. Даже такая скромная цель, как простое изучение эконом[ических] услов[ий], является почти недостижимой, более того – желание прочитать ту или другую интересующую тебя книгу, статью и пр[очее] может быть лишь платоническим⁵. Но довольно. Я вовсе не хочу сказать, что нахожу твой равнодушный взгляд на жизнь незаконным или непонятным для меня; я говорю только, что многие (и я в том числе) иначе, бодрее относились бы к вопросу о продолжительности жизни. Эта разница, конечно, обуславливается всем складом характера того или другого лица, – иной не хандрит при самых ужасных внешних условиях, другой, наоборот, при великолепных – не может найти себе места. Конечно, ни ты, ни я не подходим ни к одному из этих типов: о тебе несправедливо было бы сказать, что не находишь себе места при самых великолеп[ных] условиях. Обо мне также нельзя сказать, ч[то] я нигде не хандрю. Наоборот, в последнее время замечаю, что меня также трудно удовлетворить (конечно, относительно). Читая иногда в твоих или Павла письмах намеки на то, что, будь я с вами, то мог бы то-то и то-то сделать, – я подчас с грустью и сомнением думаю о таких занятиях, как возня с ребятишками⁶, кефирным или Рольниковским заведениями⁷. Знаю, ч[то] ничего не дала бы другого, лучшего, действительность, все же мечтаешь о другом, большем. Много чрезвычайно интересного теперь у вас происходит и намечается. Я имею в виду относительную победу Гладстона, предстоящую парламентскую сессию в Англии, требования рабочих 8-ми час[ового] раб[очего] дня, борьбу Бисмарка с Вильгельмом II⁸, бельгийские дела⁹ и пр[очее]. Обо всем этом и многом другом мы знаем лишь вкратце, и потому тем больший интерес возбуждается в нас.

Недавно случайно прочитал рецензию на книгу дяди Пети¹⁰ «La conquête du pain»¹¹ и изумлялся, до чего он наивен и смешон: очевидно, время ничему его не научило, и он несет ту же бессмыслицу, что 10–15 л[ет] тому назад! Неужели и Реклю также «сохранился»? Неужели и он считает себя солидарным с равашольевскими безобразиями?¹² Если же нет, то почему он печатно не объявит о своем несогласии?

А Мост, наконец, пристроился у Армии спасения!¹³ Самое подходящее для таких субъектов место. Туда бы и дядю Петю сдать и всех сумасбродов.

Почему ты замолчала о дальнейшем ходе переговоров насчет примирения с тетушкой Сарой?

Непреренно сообщи, о каких ты знаешь новых хороших книгах по общественным и рабочему вопросам. Меня очень интересует задуманное Бебелем сочинение о немец[ком] движ[ении], но навряд ли удастся его получить. Также интересны, вероятно, произведения Вейзенгринга и Paul'я Bart'a «Die Philosophie der Gesch[ichte] von Hegel bis Marx und Hartmann»¹⁴. Если будешь мне обстоятельно писать о книгах и вообще о происходящем в Европе, кроме удовольствия, ничего больше, вероятно, не доставишь мне.

Сообщи, переписываешься ли с Дмитрием? Передай ему все, что узнаешь обо мне. Ну, будь же бодра и равнодушна к дальнейшей своей жизни. Крепко целую тебя. Мой сердечный привет Жоржу, Розе и всем близким.

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.50. Л. 27 – 28 об. Автограф с позднейшими пометами, примечаниями и исправлениями. Опул.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 292–295. Публикуется по автографу.

Примечания

- ¹ Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
- ² Это предложение зачеркнуто.
- ³ *То есть, членов группы «Освобождение труда»; главным образом, если не сказать исключительно, Плехановых, для которых много сделала Вера Ивановна в эти годы.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте по левому полю оборота первого листа письма.
- ⁴ Это слово надписано Л.Г. Дейчем в квадратных скобках в тексте письма.
- ⁵ Платонический – относящийся к платонизму, не проявляющийся, не осуществляющийся практически. Платонизм – идеалистическое учение древнегреческого философа Платона (427–347 гг. до н. э.).
- ⁶ *Под ребятишками я подразумевал возню с юношами, молодежью.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте по левому полю оборота второго листа.
- ⁷ Имеются в виду «кефирное производство» П.Б. Аксельрода и типографские дела Рольника.
- ⁸ Вильгельм II, вступив на престол в период фактически абсолютного господства «железного канцлера», начинает борьбу за освобождение от опеки Бисмарка, используя для этого провалы в его внутренней политике. Бисмарк был сторонником жесткой борьбы с растущим рабочим движением, но принятые его правительством Исключительные законы против социалистов не смогли сломить силы социал-демократии и только увеличили ее популярность среди рабочих масс. Вильгельм II, утягивая неудачи политики Бисмарка, считал, что подорвать влияние социал-демократии можно реформами сверху. Он высказывается за отмену Исключительных законов и выдвигает мысль о созыве международной конференции по социально-политическим вопросам. На этой почве Вильгельм II резко разошелся с Бисмарком, это стало одной из причин, предопределивших отставку «железного канцлера».
- ⁹ Важной проблемой во внутренней жизни Бельгии начиная с 1880-х гг. XIX в. стало осуществление выдвигаемого демократическими силами страны требования всеобщего избирательного права. Под лозунгом борьбы за него проходили забастовки и массовые манифестации трудящихся, например забастовки углекопов 1890 г.
- ¹⁰ П.А. Кропоткина.
- ¹¹ Книга П.А. Кропоткина «La conquete du pain» вышла двумя изданиями в Париже в 1892 г. с предисловием Э. Реклю. На русском языке впервые книга вышла в Лондоне также двумя изданиями – в издательстве «Свободная мысль» и как издание Группы русских коммунистов–анархистов под названием «Хлеб и воля». Русское издание книги под названием «Завоевание хлеба» вышло в Петербурге как второй выпуск «Социалистической библиотеки» в 1906 г., и было конфисковано. Издание Группы коммунистов–анархистов с пометами Г.В. Плеханова хранится в его личной библиотеке (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1862).
- ¹² *Реваиоль – известный в 90-х гг. анархист, бросавший бомбы в Париже.* – Прим. Л.Г. Дейча в тексте по левому полю оборота второго листа.
- ¹³ Армия спасения – международная религиозно-филантропическая организация, сочетающая в своей деятельности проповедь Евангелия и практическую социальную работу. Основана в 1878 г. английским методистским проповедником У. Бутсом.
- ¹⁴ Книга П. Барта «Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann» («Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана») (Leipzig, 1890) с пометами и автографом Г.В. Плеханова имеется в его личной библиотеке (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. Б 3023).

1892, 19 сентября (1 октября)
Карийск

Дорогой мой брат Павел!

Последнее твое письмо, так же, как и предыдущее¹, почти целиком посвященное твоему кефирному предприятию, я давным-давно получил, но до сих пор все никак не мог собраться, чтобы тебе ответить. Отчасти тому причиной

всякие житейские мелочи, отчасти – настроения и лень. На этот раз не буду касаться твоего заведения, т[а]к к[а]к последним письмом ты выяснил кое-что, остававшееся мне непонятным. Скажу только, что вполне понимаю и искренно сочувствую твоему нравственному состоянию, обуславливаемому, как ты пишешь, «ложным и двусмысленным положением», каковое ты занимаешь вследствие «несоответствия между кажущимся внешним видом и действительностью»². Мне приятно, что ты считаешь меня способным «поставить с самого начала это предприятие так, чтоб оно давало на жизнь не одному только твоему семейству (с компаньоном)³, а при невозможности этого зажать другим рты и тебя нравственно успокоить». Не берусь решить, насколько верны эти твои лестные обо мне представления, но одно могу сказать, что оставайся я с вами, то, конечно, употребил бы все мои способности на поддержание как твоего материального, так и морального состояний. Думаю, однако, что твое представление несколько преувеличено. Говорю это не из понятной скромности. Ну, да это не важно.

Жаль, что ты так лаконично сообщаем о результатах поездки Жоржа в Париж, о примирительных переговорах с тетушкой Сарой; жаль, что раз начатые по вашей инициативе переговоры ничем существенным не окончились⁴. Грустно также, что вот уже 10-й год, как существует фирма Рольника и К°, а, как ты пишешь, до сих пор это предприятие «далеко от процветания, что в значительной мере зависит от недостатка деловитого директора». Вообще я должен тебе сказать, что о ходе дел этой фирмы я имею, б[ы]ть м[ожет], еще менее ясное представление, чем о твоём кефир[ном] заведении, т[ак] к[ак] Марфа еще значительно лаконичнее сообщает о нем, чем ты о своем. Мне представляется крайне мизерным производство этого заведения. Я даже не знаю, увеличилось ли и насколько его производство? Продолжается ли старое производство или взялись за новые образцы? Увеличилось ли число потребителей и участников и насколько? Помогают ли вам родственники с родины и пр[очее]. Ты в последнем письме говоришь только о «моральном завоевании». Но ведь без «материального» приобретения одно моральное далеко не достаточно. Отсутствие «деловитого директора» также ведь может быть объяснено «непроцветанием», недостаточной привлекательностью этого предприятия, т.е. если бы дела шли хорошо, то не было бы недостатка в деловитых людях. Словом, это какой-то заколдованный круг, и, во всяком случае, получается далеко не отрадная картина, когда вспомнишь, что почти десять лет прошло с момента основания этого заведения. Я надеюсь, что раз ты решился посвятить меня в подробности этого предприятия, то я больше узнаю и скорее пойму причины его не процветания, чем из писем сестры.

Очень обрадовало меня твое сообщение о питерских увриерах⁵, к[о]т[о]рые 3 мая (нов[ого] ст[илия]) хорошо выдержали экзамен по предметам геноссовщины⁶. Об этом отрадном факте, как и вообще о родственниках, живущих на родине, я давным-давно решительно ничего не слышал и чувствую себя как бы совсем оторванным от родины. Сестра Маня пишет мне раз в год-два, да и то всегда наполняет письма одними лишь самооправданиями и объяснениями своего продолжительного молчания. Я бы очень хотел, хоть изредка, получать от тебя обстоятельные письма общего характера, как, помнишь, бывало раньше, когда я сидел в тюрьме.

Ну, как твое здоровье, как идут твои занятия? Все ли продолжающиеся головные боли и бессонницы мешают тебе работать? Ты в последних письмах

ничего мне не пишешь лично о себе. Что ты читаешь, что нового в литературе? Как бы я хотел хоть знать по слуху, если не лично прочитывать, что сколько-ниб[удь] выдающегося появляется! Нет, вы с Марфушей ужасно скупые личности: не хотите со мною делиться даже такими сведениями! Отчасти поэтому и у меня пропадает охота своевременно отвечать на ваши письма. Ты должен ведь помнить, что я был аккуратен в переписке, а теперь она, ввиду моего положения, приобрела еще большее для меня значение. Но возвращусь к литературе. Мне попадались благоприятные отзывы и интересные выдержки из «Zentralbl[att] für Sozialpol[itisches]». Знакомо ли оно тебе? Думаю, ввиду наших условий, что оттуда я мог бы почерпать интересующие меня факты. Сообщи, не получает ли его кто из твоих геноссов и можешь ли мне его по прочтении пересылать? Недавно попалось мне сообщение, что Бебель пишет большую книгу об истории их увриеров⁷. Правда ли это? Думаю, что у него выйдет это очень интересным, и мне страсть как хотелось бы прочитать ее. Но что в том толку?!

О себе скажу немногое. Живу по-прежнему, ни в чем, кроме интересных книг, особенно не нуждаюсь, понемногу занимаюсь, читаю. За отсутствием более свежих материалов, невольно принялся за «Истор[ию] госуд[арства] Рос[сийского]» Соловьева⁸. Это – 29 т[омов], и даже сидя в тюрьме, при всей монотонности тамошней жизни, я не решался приниматься за это сочинение, т[ак] к[ак] были более интересные, а тут, как видишь, приходится чуть ли не за библию браться, так мало (или почти никаких для меня) более животрепещущих сочинений. Я, помнишь, писал тебе (и сестре), что был план нас переселить в другое место; теперь это намерение оставили, и мы по-прежнему будем жить здесь, чему я (и др[угие]) очень рад, так как вовсе неприятно менять насиженное место, имеющее много хороших сторон, на неизвестное новое.

Пора кончать. Пиши же, по возможности, обстоятельно, как о близких, так о геноссах, литературе и т.д. Всего вам всем наилучшего. Семье твоей и всем, помнящим меня, мои особые поклоны и пожелания. Целую тебя.

Твой брат Лев

РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 197. АД 1/29.51. Л. 14 –
15 об. Автограф. К письму приложен лист с примечаниями
Л.Г. Дейча, составленными при подготовке публикации в сб.
№ 5 ГОТ. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 5.
С. 123–126. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ Письма П.Б. Аксельрода не разысканы.

² Как я уже когда-то сообщал, П.Б., вместе с женой и свояченицей, не покладая рук, работали в устроенном ими кефирном заведении от раннего утра до позднего вечера, тем не менее они перебивались с хлеба на квас, еле будучи в состоянии сводить концы. Несмотря на это, «добрые люди», даже знавшие обо всем этом, находили возможным распускать слухи, будто Аксельрод превратился в «буржуа», изменил своим взглядам и т.п. Все это его, понятно, крайне огорчало, что он и называл в своем письме процитированной мною фразой о «несоответствии». – Прим. Л.Г. Дейча.

³ С.Л. Гринфест.

⁴ Как теперь известно из разных печатающихся материалов, целью поездки Георг. Валент. в Париж были переговоры о сближении с тамошними народовольцами, – главным образом с Лавровым и с Мар. Ник. Ошаниной, которую ради конспирации мы и называли тетушкой Сарой (из ром. Шпильгагена «Один в поле не воин»). Переговоры эти ни к чему не привели. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁵ От ouvrier (фр.) – рабочий.

⁶ Кажется, ясно, что я имел здесь в виду первое празднование петербургскими рабочими первой мая. «Геноссовщина» – товарищество, международная солидарность. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁷ Речь, вероятно, могла идти о книге «Die Sozialdemokratie und das allgemeine Stimmrecht», увидевшей свет в 1895 г.

⁸ Правильное название труда С.М. Соловьева – «История России с древнейших времен».

1892, конец сентября¹
Цюрих

Дорогая Вера!

Вчера я покончил счета с Гроз[овским] по Фейербаху. Относительно Энгельса (Разв[итие научного социализма])², сдастся, только еще «о предисловии» он сможет через несколько дней окончательно ответить, а тем временем он предлагает выработать («восстановить») договор³. Он пробудет тут с неделю, а потому, если хотите не давать ему предлога для новых кляуз, пусть Ж[орж] «восстановит», как он помнит, условия договора и немедленно вышлет мне; идол⁴, в свою очередь, обещал мне прислать свой проект. Тогда мы съедемся, чтобы окончательно согласиться. В то же время Вы и Ж[орж] должны точно определить пределы моих полномочий, т.е. по каким спорным пунктам я могу уступать, напр[имер], относительно величины гонорара... Я ему сказал, что ввиду того, что я не помню деталей переговоров, я предложу Ж[оржу] сюда приехать, тем более что все равно нам нужно бы свидеться. Если хотите, пришлю на дорогу деньги, а то одолжите дня на два, а я затем пошлю кредитору. Нужно Вам знать, что получил ответ от Гроз[овского] на письма о третейском суде, – разумеется, в соответствующем тоне. Можете судить сами по следующей фразе: 1. «Система ведения дела была выбрана и установлена не мною, а г. Плех[ановым]. Она состояла в том, чтобы вести переговоры со мною наедине (в мае), причем г. Пл[еханов] говорил мне, что и на будущее время желает придерживаться той же системы, что он, приезжая, будет даже скрывать от знакомых свое пребывание в Цюрихе».

Я отказал ему в свидании, но затем он, под предлогом ликвидации счетов по Фейерб[аху], предложил зайти ко мне домой, и тут уже [мы] как бы пришли к вышеообщенному результату. Я ему сказал, что не пошлю Вам его письма ко мне, чтобы не вызвать в Вас нового раздражения и не помешать попытке заключения мирной. Я лично не жду добра от трет[ейского] суда или обществ[енного], – его все-таки сделаем героем, а сами втянемся в дело на целые месяцы. А между тем может случиться, что скоро у нас дела будет по горло, да и теперь, собственно, его уже достаточно.

Одна фраза в Вашем письме привела меня в большое недоумение или, точнее, негодование...⁵

Примечания

¹ Датируется на основании письма Грозовского к П.Б. Аксельроду от 20 сентября 1892 г. (см. док. 327 в приложении к настоящему сборнику), фрагменты из которого цитирует в своем письме П.Б. Аксельрод. Письмо написано до 3 октября 1892 г., когда Плеханов приехал в Цюрих для совещания с Грозовским.

² См. прим. 3 к док. 110.

³ См. док. 307.

⁴ Грозовский.

⁵ Остальное зачеркнуто и конца письма нет.

114

В.И. Засулич – П.Б. Аксельроду

1892, не позднее 7 октября¹

Морнэ

Дорогой Павел, Жорж страшно занят по обыкновению, поэтому я отвечу Вам за него на некоторые пункты письма г. Грозовского², а также и Вашего³. Вы хорошо сделали, подписавши (если уже подписали) расчет по брошюре, не торговаться же без конца с г. Грозовским. Но Жорж оставляет за собой право доказать г. Грозовскому, что получил от него 760, а не 790 fr. – это уже не ради получения остальных 30 fr., а в интересах истины. Относительно платы за литературный труд (примеч[ание] и перевод, появляющихся в 1-ый раз) Жорж помнит и убежден, что и Вы это помните, было установлено, что он оплачивается как в *Neue Zeit*. Исключение из правила было сделано для тех работ, которые возьмете на себя Вы (Аксельрод), т.к. считаете себя достаточно обеспеченным, чтобы работать бесплатно. Но Вы ничуть не предрешали такой обеспеченности и даровой работы ни относительно меня, ни относительно других лиц, которые могут принять участие в изданиях.

Едва ли возможно будет записать и утвердить условие в том виде, в каком оно «припоминается» г. Грозовскому.

Я была убеждена, конечно, что г. Грозовский заплатит за перевод биографии Энгельса, приложенный к «Развитию»⁴, но теперь думаю, что он припомнит массу пунктов, по которым платить ему не следует, и спорить нам надоеет, конечно, гораздо прежде, чем ему.

Ни одного действительного нарушения условия г. Грозовский не приводит, хотя и приводит целый ряд воображаемых. Г. Грозовский пишет, что только польза дела заставляет его писать такие письма, которых не должно было бы являться, их действительно не должно было бы являться, и можем со своей стороны уверить г. Грозовского, что только та же польза дела заставляет нас продолжать издания на деньги, проходящие через его руки при тех придириках, которые он ставит.

Ваша Вера

IISH. Paul Akselrod Archive. – 44 с. Автограф. На первом листе рукой неизвестного дата «1893 г.». Публикуется впервые.

Примечания

¹ Датируется по двум фрагментам письма, в первом из которых говорится об утверждении условий совместной издательской работы (подписание условий состоялось 7 октября 1892 г.,

свои подписи под договором поставили Аксельрод, Плеханов и Грозовский – См. док. 331), во втором упоминается о работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (оно было опубликовано вторым изданием под заглавием «Развитие научного социализма» и вышло в серии «Библиотека современного социализма» в 1892 г.).

² См. док. 327.

³ См. док. 114.

⁴ Упомянутая в первом примечании работа Ф. Энгельса.

115

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1892, 18(30) ноября
Карийск

Получил, дорогая моя сестра, твое письмо от 1-го октября¹, в к[о]т[о]ром ты пишешь, ч[то] устно, или не на таком расстоянии, могла бы многое сообщить мне, поделиться волнующими тебя вопросами. Что за славное это письмо! Давно таких от тебя не получал. В сущности, ты ничего не сообщаем в нем такого, чего бы я не знал или не мог мысленно дополнить. Но потому ли, что тон его особенно хорош, душевен или потому, что оно получилось при соответствующем у меня настроении, но я почувствовал, что понял многое недосказанное, проник куда-то глубоко-глубоко, и так приятно, хорошо стало на душе! Боже, сколько и я интересного и даже поучительного мог бы сообщить тебе! И у меня, несмотря на однообразие жизни, есть вопросы, к[о]т[о]рые волнуют и поглощают меня целиком. Но не подумай, ч[то] эти вопросы чисто местного характера, происхождения. Нет, они общего теоретического и практического свойства и почти не имеют никакого отношения к окружающей меня монотонной и серой действительности. Писать об этих вопросах мне так же трудно, к[а]к и тебе о волнующих тебя, но, по-видимому, по другой причине: тебя останавливает сознание, что, пока твое письмо дойдет до русско-сибир[ской] границы, эти вопросы так или иначе вырешатся. Значит, они непосредственного, скоро преходящего характера. Мне же трудно делиться с тобой пот[ому], ч[то] пришлось бы писать целые фолианты, задумай я дать тебе полное и верное представление о занимающих меня вопросах. Могу также повторить буквально твои слова: «Чего, чего я не дал бы, чтобы иметь возможность делиться с тобой волнующими меня вопросами!». И так же, как и ты, я часто беседую с тобою (иногда глубоко за полночь) о них, так же, как и тебе, мне не с кем здесь делиться целиком, хотя имею товарищей и приятелей. Но только тебе одной я мог бы обстоятельно изложить их, т[а]к к[а]к ты одна вполне могла бы понять их, уловила бы чутьем недосказанное и сделала бы, быть мож[ет], вытекающие из них выводы и практич[еские] применения. Мысленно беседуя с тобой об этих темах, я часто представляю себе оживленные и вместе удивленные глаза твои, приятное и даже радостное настроение, в какое ты, наверное, пришла бы, слушая устное мое изложение. Забегав по своей комнатке (в к[о]т[о]рой, к слову, конечно, страшный беспорядок), ты, подумав немного, не только вполне меня одобрила бы, но и сама стала бы ими заниматься и старалась бы делать из них необходимые практические выводы и применения. Но даже и теперь я надеюсь, что ты, не зная пока сущности интересующих меня вопросов, все же поддержишь меня, одобришь такое мое настроение и постарайшься, если не прямо, то

хоть косвенно помогать мне присылкой просимих мною книг и передачей известных тебе фактов. Для этого в немногих словах скажу, ч[то] теоретические вопросы, интересующие меня, относятся к первобытной культуре и философии истории, конечно, с материалистической точки зрения, но к тому же, в частности, Mutterrecht² и, как мне кажется правильным, считать вытекающим из последнего – Frauenfrage³. Мне очень грустно, что не могу убедиться, насколько правильны мои воззрения по этим вопросам, ввиду неимения необходимых мне многочисленных и разнообразных источников, а также отсутствия людей, интересующихся этими же вопросами. Все здесь имеющееся я почти уже перечитал или просмотрел и нигде не нахожу разъяснения. А меж[ду] тем я глубоко убежден, ч[то] вопросы эти имеют очень важное не только теоретич[еское], но и практическое значение. Пока прошу тебя не сообщать Жоржу и Павлу о моем увлечении Mutterrecht⁴ и Frauenfrage: они (да и ты, вероятно), не зная, в чем дело, решат, что я стучусь в открытую дверь, т[ак] к[ак], мол, Морган, Энгельс, Липперт и др[угие] все уже разъяснили, а Бебель написал даже специально книжку о Frauenfrage⁵ (Кстати, настоятельно прошу тебя, непременно постарайся мне ее прислать и вообще насколько возможно, присылай аналогич[ные] произведения: о роли женщ[ины] у геноссов, отчеты по Frauenfrage на конгрессах, митингах и ферейнах⁵. Такого рода произведения могут дать мне указания, как другие смотрят на интересующие меня вопросы). Но «при чем в Frauenfrage первобытная культура и философия истории»? – быть мож[ет], подумаешь ты. Не зная всей связи моих мыслей, действительно может показаться всем, чем угодно, – и путаницей, и преувеличением с моей стороны незначительного, в сущности, вопроса, – преувеличением, объясняющимся оторванностью от цивилизов[анного] мира, незнанием уже давно решенного и пр[очее]. Но, как мне кажется, на самом деле, это не так у меня. Ужасно хотелось бы мне знать, нет ли там у вас такого лица, к[о]т[о]рое, имея хорошую научную подготовку по первобытным учреждениям и придерживаясь материалистич[еских] воззрений, специально и сильно интересовалось бы Frauenfrage? Как бы мне хотелось с таким человеком обменяться взглядами! Но довольно об этом.

Твои объяснения относительно уступок родственникам⁶ все же не убедили меня. Хотя ты и пишешь, ч[то] вы все это проделали ради меньшего, подросткового поколения, чтобы оно увидело, что не в вас корень распри, – но мне все же кажется бесполезной (а мож[ет] б[ыть], и вредной) ваша тактика. Уступки и авансы подчас можно и даже должно делать. Но вопрос: когда и как? Он⁷ подсказывается практическим чутьем. Мне оно подсказывает иную, чем ваша, тактику. Конечно, я не знаю всех обстоятельств, но, насколько я себе представляю общее положение домашних условий, я поступил бы так. Не вступая ни в какие переговоры ни с дедушкой, ни с тетушками и дяденьками⁸ там у вас, – т[ак] к[ак] на них можно махнуть рукой, – я отправился бы домой⁹ и повел бы дело самостоятельно, независимо. Уже один факт приезда после долгой разлуки произвел бы, особенно теперь, очень благоприятное впечатление на всех родственников, в особенности же на подростки и, как ты пишешь, «симпатичных детей»¹⁰. Там, на месте, ведя процесс¹¹, я проявлял бы миролюбие и готовность к уступчивости, если бы это требовалось по обстоятельствам дела, но первый не делал бы решительного шага к примирению, зная заранее, что успех дела рассеял бы всякие сомнения и колебания. Ведя свою линию, я не был бы нисколько ни злопамятен, ни упрям и заносчив, а, наоборот, беспристрастен, объективен и умерен, а главное – деятелен. И дети, думаю, оценили бы мою тактику; они уви-

дели бы тогда, в ком и в чем корень распри. Но если бы даже этого я не достиг бы, — что мне трудно себе представить, — то беспристрастные судьи, незаинтересованные лица, адвокаты и увриеры¹² склонились бы на мою сторону, и тогда уже дети, а за ними дяденьки и тетеньки прибежали бы ко мне просить пардона; а если бы не просили, то и бог с ними: я все же выиграл бы тяжбу¹³, и на нашей улице был бы праздник, от нас пошел бы перелом в семейной неурядице¹⁴. Ты, конечно, скажешь, ч[то] я много на себя беру, приписываю себе чересчур большое значение и влияние, но будешь неправ. По-моему, раз семейная неурядица дома дошла до известной степени, то достаточно незначительного в сущности, но неожиданного и смелого приема, чтобы все положение изменилось. В таких случаях роль отдельного лица можно сравнить с искрой, брошенной в сухое сено. И я, и каждый из вас, в особенности, мог бы явиться этой искрой в деле прекращения домашней распри и неурядицы. Конечно, я предварительно подготовил бы почву, обеспечил бы себя кой-какими связями и средствами, но за этим, думаю, остановки не было бы. Даже опасение заболеть¹⁵ не остановило бы меня теперь, т[ак] к[ак], перенесши фрейбургскую болезнь¹⁶, я убедился, что она не так страшна и приносит большую пользу; особенно она легко переносится, если она не неожиданна, если к ней заранее приготавлиешься. Конечно, при слабых легких наш суровый климат вреден, но опять же вопрос, не преувеличивают ли врачи? Словом, дорогая, как видишь, исходя из моей точки зрения, ваш прием примирения не может мне казаться удачным, практичным, вообще ваша жизнь мне представляется крайне безотраднo, малорезультатной и прозводительной: десять лет почти прошло со времени возникновения заведения Рольника¹⁷ и начала распри и неурядицы¹⁸, а вы почти на одном и том же месте: все перебиваетесь из кулька в рогожку и тешитесь, кажется, микроскопическими успехами и улучшениями. Не подумай, ч[то] это скоропалительное мое мнение, явившееся у меня в последнее время. Нет, года два уже, к[ак] я все колеблюсь поделиться им с тобою, а эти дни оно все не выходит у меня из головы.

Ты давным-давно ничего не сообщаем о здоровье Жоржа, о своем также редко упоминаешь. Помнишь, кажется, из Одессы (осенью 84 г.), описывая тамошний суровый режим, я утешался оптимистическими взглядами д-ра Пангласа: «Все к лучшему» и т.д. Представь себе, теперь я действительно допускаю, ч[то], оставаясь я с вами и проживи я там так, как вы эти годы жили, я чувствовал бы себя, вероятно, не лучше, а то, б[ыть] м[ожет], и хуже, чем теперь, будучи здесь. Ты как думаешь? Впрочем, тебе трудно решить этот вопрос, т[ак] к[ак], во-первых, ты не знаешь, как я себя теперь чувствую, а во-вторых, не знаешь, конечно, как бы я чувствовал себя, оставшись. Но я думаю, ч[то] там, в конце концов, было бы мне хуже, конечно, при нек[о]т[ор]ых условиях. Видишь, до каких странных взглядов и предположений я дошел.

Но довольно. Не забывай же моей просьбы о присылке книг. Дюруи¹⁹ я еще не получил. Сохраняешь ли мои бумаги, письма, особенно Дмитра; часть последних была у Лизы, — прибери их все в одно место. Ну, крепко и много, много целую тебя, моя хорошая, дорогая сестра.

*РНБ. АДП. Ф.1097. Оп. 1. Ед. хр. 672. АД 1/29.52. Л. 29 – 30 об. Автограф с позднейшими пометами Отубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М., 1924. С. 295–300.
Публикуется по автографу.*

Примечания

- ¹ Письмо В.И. Засулич не обнаружено.
- ² Материнское право (нем.).
- ³ Женский вопрос (нем.).
- ⁴ В 1883 г. в Цюрихе вышла книга А. Бебеля «Die Frau in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft», затем неоднократно переиздававшаяся. Так, в 1891 г. в Париже был опубликован ее перевод на французский язык (в библиотеке Г.В. Плеханова есть экземпляр издания с его пометами – РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 55). Первое русское издание книги «Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени» с примечанием на титульном листе: «Единственное автором разрешенное русское издание», вышло в Лондоне в 1895 г.
- ⁵ От Verein (нем.) – союз. Партийные клубы немецких социал-демократов.
- ⁶ То есть соглашение с народовольцами. Такое примиренческое настроение вызвано было разразившимся в России в начале 90-х гг. знаменитым голодом. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ⁷ Вверху в квадратных скобках написано «ответ».
- ⁸ Понятно, что я имел в виду Лаврова, Марью Николаевну, Кравчинского и др. старых народо-вольцев, живших за границей. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ⁹ Под «отправкой домой» подразумевалось, конечно, возвращение из-за границы в Россию. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁰ «Подросшими симпатичными детьми» мы называли вновь народившуюся революционную молодежь. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹¹ То есть, занимаясь переговорами, в то же время организовывать, агитировать и т.д. среди рабочих и молодежи. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹² «Адвокаты и увериеры», т.е. интеллигенция и рабочие. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹³ Надо, конечно, понимать, что привлек бы их на свою сторону. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁴ То есть марксистское направление одержало бы верх. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁵ То есть быть арестованным. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁶ Понятно: арест во Фрейбурге. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁷ То есть группы «Освобождение труда». – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁸ Борьбы с народовольцами и народниками. – Прим. Л.Г. Дейча.
- ¹⁹ Вероятно, имеется в виду Дюруи (Дюрюи) (Duruy) Жан Виктор – французский историк и государственный деятель.

1893

116

П.Б. Аксельрод – В.И. Засулич

1893, после 8 января¹
Цюрих

Дорогая Вера!

Наконец-то получил от Вас несколько строк². Но теперь еще не знаю, где Вы, собственно, обретаетесь. Комаровский, от которого я впервые узнал о клевете Л[ившиц]³, говорил мне, что Вы и Ж[орж] переселяетесь в Женеву. Рука уже начинает болеть, и приходится писать меньше, чем хотел. Сообщение Ш[муилова] о взгляде товарища старика⁴ на положение дел в России совпадает с тем, что он тут и мне говорил (30 декабря). И, к сожалению, в этом взгляде много правды. Интеллигенция революционно отжила, а рабочие только начинают еще проявлять признаки пробуждения к революционной жизни.

Геноссе⁵ пробыл тут всего с 7 часов вечера (а в 8 он уже начал свою речь) до после обеда следующего дня, непрерывно окружен посетителями и притом